

**ДЯДЯ ФЁДОР И РОЛЬ РЕБЕНКА КАК ДЕЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА В
ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ**

**(На материале повестей-сказок «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора
или побег из Простоквашино» Э. Успенского)**

**DJADJA FĚDOR I ROL` REBĚNKA KAK DEJSTVUJUŠČEGO SUB"EKTA V
OBŠČESTVENNOM KONTEKSTE**

**(Na materiale povestej-skazok "Djadja Fėdor, pės i kot" i "Tėtja djadi Fėdora ili pobeg
iz Prostokvašino" Ė. Uspenskogo)**

**FEDJA-SETÄ JA LAPSEN ROOLI TOIMIJANA YHTEISKUNNALLISESSA
KONTEKSTISSA**

(E. Uspenskin kertomuksissa "Fedja-setä, kissa ja koira" ja "Fedja-setä ja täti Tamara")

Хели Йоханна Раами
Дипломная работа
Университет Восточной Финляндии
Русский язык и культура
Март, 2011

Heli Johanna Raami
Pro gradu-tutkielma
Itä-Suomen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Maaliskuu, 2011

Tiedekunta – Faculty Filosofinen		Osasto – School Vieraat kielet ja käännöstieteet	
Tekijät – Author Heli Johanna Raami			
Työn nimi – Title Дядя Фёдор и роль ребенка как действующего субъекта в общественном контексте (на материале повестей-сказок «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» Э. Успенского)			
Pääaine – Main subject	Työn laji – Level	Päivämäärä – Date	Sivumäärä – Number of pages
Venäjän kieli ja kulttuuri	Pro gradu -tutkielma	☒	Maaliskuu 2011
	Sivuainetutkielma	☐	
	Kandidaatin tutkielma	☐	
	Aineopintojen tutkielma	☐	
Tiivistelmä – Abstract			
<p>В этой дипломной работе рассматривается смена парадигмы «ребенок как объект общественного воспитания» на парадигму «ребенок как субъект действия» в социалистическом обществе 60-х-70-х годов XX века и в постсоветском обществе 1990-х годов. В работе субъект действия определяется как личность, решающая сама свою жизнь и судьбу. Для анализа вопроса о субъекте действия, мы выясняем, какие изменения возникли в социалистическом обществе с точки зрения семейных ролей и воспитания, и как эти изменения отражались в детской литературе. Источником исследования являются повести-сказки «Дядя Фёдор, пёс и кот» (1974) и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» (1995) Эдуарда Успенского.</p> <p>Наш подход к данной теме описательный, с помощью которого мы даем представление о семье и семейных ролях в советском обществе. Поскольку в литературе отражаются и общественные явления, мы принимаем во внимание общественный контекст. Мы рассматриваем нашу тему с точки зрения основных понятий нарратологии. В анализе повестей-сказок Успенского мы опираемся кроме метода нарратологии на метод пристального чтения. Поскольку жизненные факты писателя могут повлиять на его творчество, мы, в некоторой степени, используем также биографический метод.</p> <p>В исследовании рассматривается, как коммунистическая картина мира с коллективистскими ценностями отражалась и в воспитании детей в первые десятилетия Советского Союза. Дети воспитывались согласно этим ценностям с помощью литературы. Творческий метод социалистического реализма придавал произведениям определенную форму. Что касается литературы для детей, то она давала ответы о правильном поведении и морали.</p> <p>Политика оттепели, начала 50-х годов XX века вызывала новые потребности для детской литературы. Литературный герой для нового поколения писателей детских книг был личностью, а не шаблонным образом, как раньше. Этот герой-личность сам управлял своей жизнью. В произведениях появились так называемые дети-беглецы, одинокие жертвы стремительной урбанизации. Эти дети-беглецы бунтовали против родителей и общества.</p> <p>В анализируемых повестях-сказках главный герой дядя Федор является как раз таким одиноким ребенком, который решает переехать в деревню Простоквашино из-за того, что мать ему не разрешает держать кота Матроскина. Побег не просто ответ на его одиночество, а только справедливый, неэгоистический поступок. В деревне герой может жить равноправно вместе с друзьями.</p> <p>В обеих повестях-сказках Успенского есть критика общественных явлений, но, в отличие от первой книги, критику второго произведения можно характеризовать крайне открытой и прямой. Обаяние повестей-сказок Успенского заключается, по всей вероятности, в том, что, с одной стороны, их можно прочитывать так, словно герои были созданы только для развлечения читателя. А с другой стороны так, чтобы читатель, читая книги, находил в них нечто большее, чем развлечение.</p> <p>В итоге исследование показывает, что вопрос о действующем субъекте является малозначительным в повестях-сказках Успенского. В конце первой книги дядя Федор возвращается в город с родителями. Таким образом, вопрос о том, кто обладает властью и над кем остается нерешенным. Во втором произведении Федор с друзьями убегает от взрослого авторитета, своей тети, и переезжает в ближайшую деревню. Несмотря на то, что он сам себе хозяин, он, в то же время, об этом не думает. При этом, наиболее важной темой в рассматриваемых книгах является, все-таки, дружба.</p>			
Avainsanat – Keywords			
Venäläinen lastenkirjallisuus, Eduard Uspenski, Fedja-setä, toimijuus, sosialistinen realismi			

СОДЕРЖАНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ	
1.1 Цель и задачи работы	3
1.2 Материал, методы и структура исследования	3
1.3 Термины и основные понятия	7
2 ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ	14
2.1 Эдуард Успенский и его творчество	14
2.2 Общественный контекст замысла	18
2.2.1 Отношения перестроечного общества и детской литературы	19
2.2.2 Представление о семье в тоталитарном и посттоталитарном обществе	21
2.3 Детская литература 60-х, 70-х и 80-х годов XX века	24
2.3.1 Социалистический реализм	28
2.3.2 Социалистический реализм в детской литературе: воспитание нового человека	31
2.3.3 Понятия «действующий субъект» и «объект общественного воспитания»	35
3 ДЯДЯ ФЁДОР И РОЛЬ РЕБЕНКА КАК ДЕЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА	40
3.1 Повести-сказки «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино»: события произведений	41
3.2 Персонажи и их взаимоотношения	41
3.2.1 Мотивы одиночества, независимости, справедливости и индивидуальности	49
3.2.2 Темы свободы, власти и дружбы	52
3.2.3 Бинарность в общественном контексте	56
3.2.4 Интертекстуальность	61
3.3 Повествователь и стилистические особенности	64
3.4 Пространство и время действия	68
4 ВЫВОДЫ	75
5 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	79
5.1 Источники	79
5.2 Исследовательская литература	79

1 ВВЕДЕНИЕ

Мама и папа с противоречивыми мнениями о воспитании, серьезный и самостоятельный мальчик, умный кот и автобус. Село Простоквашино и немного наивная по характеру собака. Вот элементы приключения. Еще можно добавить пятидесятилетнего гражданина, которому непонятно, как это так дети могут жить и действовать сами по себе? А что случится, когда строгая, военная по душе женщина прибывает в Простоквашино? Женщина эта ставит социалистическую картину мира выше всех. Ей также непонятно, что ребенок живет без взрослых, без цели. Вот опять элементы приключения. В результате у нас на руках, во-первых, повесть-сказка «Дядя Фёдор, пёс и кот», и, во-вторых, повесть-сказка «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» Эдуарда Успенского.

По первому впечатлению, повесть-сказка «Дядя Фёдор, пёс и кот» — безобидное приключение, история о дружбе, однако, подробное рассмотрение произведения раскрывает читателю проблемы, возникшие в результате резких изменений в обществе и влиявшие всецело на жизнь отдельных людей, в том числе и на семейную жизнь. Книга «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» отличается от книги «Дядя Фёдор, пёс и кот» своей открытостью в отношении критики общественных явлений. Если в первой книге критика как бы находится в «подполье», то во второй книге критика бросается прямо в лицо читателя. В этом заключается обаяние повестей-сказок Успенского: с одной стороны, их можно прочитывать так, словно герои были созданы только для развлечения читателя. А с другой стороны так, чтобы читатель, читая книги, находил в них нечто большее чем развлечение. Нас особенно интересует второй аспект: повести Успенского глубже безобидных развлекательных приключений.

Детские рассказы и сказки были всегда популярны. Как мы, однако, знаем, литература для детей имеет и другие задачи, кроме развлекательной. Детскую литературу, естественно, характеризуют элементы поучительные и воспитательные. Неудивительно, что раньше родители воспитывали детей народным творчеством: пословицами, поговорками и баснями (Koroļov, Gmurman 1981, 9). В советское время, однако, стало ясно, что литература для детей, в самом деле, чрезвычайно ценное орудие на идеологическом фронте. В семейном коллективе, у родителей

действительно была воспитательная власть над детьми, и это было только отражением власти общественной. Дети, бесспорно, являлись объектами общественного воспитания. Кроме того, в детской литературе присутствует также политика. А как это возможно? Ведь это литература *для детей*. Дело в том, что политика существует во всех сферах жизни. Политика в смысле нюансов и оттенков, а не обязательно в качестве лозунгов. Поскольку политика связана с отношениями между людьми, даже автор книг для детей не может пребывать в вакууме и обходиться без политики. Напротив, именно в детской литературе, по всей вероятности, существуют намеки на политические взгляды из-за поучительного характера детской литературы. Намеки эти либо сознательны, либо непознанны. (Riukulehto, Halmesvirta, Röntinen 2001, 8-9.) Вообще в литературе и в СМИ (телевизор, газеты, журналы и т.д.) подчеркивается, особенно сегодня, значение власти слова.

Изменения, возникшие после сталинской эпохи, отражались также в сфере воспитания. Нас особенно интересует, во-первых, как отражались в произведении «Дядя Фёдор, пёс и кот» Успенского изменения по воспитанию ребенка в социалистическом обществе 1960-х и 1970-х годов и, во-вторых, вопрос власти: у кого в действительности была власть над ребенком в социалистическом обществе после сталинской эпохи? У общества, родителей или ребенка? Поскольку после суровых лет сталинизма многое изменилось в Советском Союзе, и далее, в России, мы сравниваем воспитательную ситуацию 1960-х и 1970-х годов с ситуацией 1990-х годов. В этой дипломной работе, мы рассматриваем политические изменения и стараемся выяснить, как они отражались в детской литературе. Объектом исследования являются уже упомянутая повесть-сказка «Дядя Фёдор, пёс и кот», а также повесть-сказка «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» Успенского. Первая книга была опубликована впервые в 1974 году, вторая заметно позже, в 1995 году.

Каждое поколение читает книги по-своему. В свое время повесть-сказка «Дядя Фёдор, пёс и кот» являлась новым веянием в сфере детской литературы. Что касается книги «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино», то здесь, по всем параметрам, критика более резкая, чем в первом произведении Успенского. Обе повести-сказки отражают по-своему свое время. Итак, актуальность нашей темы

заключается именно в том, как читатели читают повести-сказки Успенского. Сегодня мы читаем книгу «Дядя Фёдор, пёс и кот» уже по-другому, не так, как читатель 1970-х годов. Еще мало времени прошло с опубликования произведения «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино», но, может быть, через несколько лет оно тоже покажется нам кротким, спокойным в глазах новых читателей.

1.1 Цель и задачи работы

Целью данной работы является анализ повестей-сказок «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» Эдуарда Успенского. Особенно нас интересует вопрос, каким образом передается в исследуемом произведении «Дядя Фёдор, пёс и кот» смена парадигмы *«ребенок как объект общественного воспитания»* на парадигму *«ребенок как субъект действия в социалистическом обществе 60-х–70-х годов XX века.»* Мы сравниваем воспитательную ситуацию с послесоветской ситуацией, отражающейся в произведении «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино».

Конкретными задачами нашей дипломной работы являются выяснение следующих вопросов: 1) какие изменения возникли в социалистическом обществе с точки зрения семейных ролей и воспитания, 2) как эти изменения отражались в детской литературе, особенно в повестях-сказках «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино». Мы рассматриваем эти вопросы при помощи изучения общественного контекста, а затем сделаем выводы об изменениях в парадигме «объект/субъект» в общественном воспитании.

1.2 Материал, методы и структура исследования

Материалом в данной работе послужат уже упомянутые повести-сказки Эдуарда Успенского «Дядя Фёдор, пёс и кот» (1974) и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» (1995). Поскольку нам не удалось отыскать первые издания книг, анализ, сделанный нами, основывается на изданиях, опубликованных в 2000 и 2002 годах.

Наш подход к данной теме описательный. С помощью описательного подхода мы даем представление о семье и семейных ролях в советском обществе. Поскольку общественные перемены, похоже, влияют также на литературу, нам необходимо обсудить общественный контекст обоих произведений. Чтобы приблизиться к цели нашего исследования – к анализу репрезентации ребенка как субъекта действия в книгах «Дядя Фёдор, пёс и кот» (далее «Дядя Фёдор») и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» (далее «Тётя дяди Фёдора»), мы охарактеризуем как литературу для детей 60-х и 70-х годов, так и в постперестроечном обществе.

Социалистический реализм был одним из важнейших художественных направлений искусства XX века (ЛЭТП 2001, s.v. *социалистический реализм*). Социалистический реализм значительно влиял на литературу и поэтому мы рассматриваем этот метод, особенно, в литературе для детей. При анализе повестей-сказок мы опираемся на методы пристального чтения (*close reading*) и нарратологии. Пристальное чтение означает просто то, что мы прочитываем тщательно рассматриваемый текст и записываем ассоциации, принимая во внимание не только книжные события, но и слова и стиль. Часто, употребляя этот метод, внимание читателя так крепко обращено на саму книгу, что он не принимает во внимание контекст внешнего мира. Хотя мы употребляем метод пристального чтения, это не означает, что мы не обращаем внимания на общественные явления. Метод нарратологии, в свою очередь, мы обсудим более подробно в главе 1.3.

В главе 2, в которой мы рассматриваем жизнь и творчество писателя Эдуарда Успенского, мы используем, вместе с описательным методом, метод биографический. Необходимо также принимать во внимание то, что биографический метод в нашем исследовании используется только в качестве дополнительного метода. Мы понимаем, что в использовании биографического метода существуют свои риски сверхинтерпретации, и мы не намереваемся рассматривать все детали произведений Успенского сквозь призму автобиографических фактов. Мы, однако, убеждены в том, что нередко события и изменения в жизни писателей оказывают влияние также на их творчество, и в том, что литература является отражением своего времени. Заметно, что в произведениях Успенского много намеков на злободневные вопросы социализма и капитализма.

Основная исследовательская литература нашей работы состоит из статей, опубликованных в сборнике «Соцреалистический канон» (2000). В этом издании виднейшие российские и зарубежные филологи, историки и философы, в том числе Э. Добренко, М. Балина и Х. Гюнтер, обсуждают социалистический реализм как феномен культуры и анализируют основные закономерности его функционирования. Некоторые из этих статей рассматривают более подробно отношения метода социалистического реализма и детского мира, детского восприятия литературы. Кроме того, в статье К. Кларк рассматривается литература тоталитаристического дискурса и обсуждается положительный герой как особый тип персонажа. В другой статье Кларк сосредотачивается на понятии семьи – но не в традиционном смысле, а с точки зрения коллектива, с точки зрения сталинского мифа о великой семье.

Важной работой для нашего исследования является также академический учебник Арзамасцевой и Николаевой по истории детской литературы «Детская литература» (2002). В этом учебном пособии дается понятие о детской литературе в целом и представляются важнейшие авторы среди писателей для детей. Как отмечено в предисловии книги Арзамасцевой и Николаевой, наука о детской литературе молода и, поэтому вопрос о ее теории и истории в полном смысле слова – дело будущего (Арзамасцева, Николаева 2002, 3). Из-за нерешенности многих проблем в сфере литературы для детей авторы учебного пособия употребляют осторожные выражения, такие, как «может быть» и «вероятно». Факт, что и мы будем выражать свои мнения в некоторых случаях крайне осторожно.

При рассмотрении жизни Эдуарда Успенского и его творчества, мы используем, в основном, его биографию под названием «Ээту» (Eetu, 2008), написанную другом Успенского, известным финским писателем, автором «Господина Ау» (Herra Huu) Ханну Мякеля (Hannu Mäkelä). Эта биография служит основой исследовательской литературы в главе 2.1, поскольку других биографий Успенского нам не удалось найти. Кроме того, биография Мякеля – это реалистичное и живое описание, уделяющее внимание и личной дружбе писателей. Некоторые произведения Успенского мы рассмотрим немного подробнее с помощью публикаций Бена Хеллмана, чтобы представить и другие темы Успенского.

Кроме уже отмеченных работ, нам необходимо назвать еще некоторые важные книги для нашей дипломной работы. Исследования Н. Тамарченко «Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины» (2000) и Л. Коскела и Л. Ройола (L. Koskela, L. Rojola) «Lukijan ABC-kirja. Johdatus kirjallisuuden nykyteorioihin ja kirjallisuudentutkimuksen suuntauksiin» (1997) оказали большую помощь нам, что касается теории литературы. В книге Тамарченко рассматривается более подробно нарратология, которая является интересной теорией с нашей точки зрения.

Поскольку воспитание ребенка – одна из важнейших проблем этой работы, мы изучаем также методы и практики воспитания ребенка в социалистическом обществе. Для этого мы рассматриваем труды ведущего педагога воспитания в СССР А. Макаренко. Но, поскольку другая книга Успенского «Тётя дяди Фёдора» издана только в 1995 году, нам необходимо также выяснить, каким являлась жизнь после распада СССР. Книга Л. ПEARSON (L. Pearson) «Children of Glasnost» (1990) дает хорошее общее представление об обществе и повседневной жизни людей эпохи перестройки.

Наша работа состоит из пяти частей: введения, теоретической части, аналитической части, выводов и списка использованной литературы. Глава 2 рассматривает, во-первых, жизнь и творчество писателя, во-вторых, общественный контекст, иными словами, ту ситуацию, в которой книги Успенского были написаны, и изменения как в обществе, так и семье. Одна из важнейших проблем этой работы – роль родителей и детей в советской семье. Этот вопрос мы обсуждаем в подглаве 2.2.2 «Представление о семье в тоталитарном и посттоталитарном обществе». Глава 2.3 посвящена изучению детской литературы 60-х, 70-х и 80-х годов, после чего мы обсудим метод социалистического реализма. В конце нашей теоретической части мы войдем в суть вопроса о субъекте действия и объекте общественного воспитания. В этой главе мы рассматриваем понятие социализации, чтобы получить информацию о том, как личность превращается в члена общества – необходимая задача воспитания с точки зрения функционирования общества. Мы также бегло рассмотрим Конституции СССР и РФ, чтобы получить законное основание о форме государственного управления в социалистическом и постсоциалистическом

государстве. Таким образом, мы можем сделать выводы о нормативном поведении человека эпохи социализма и после социализма.

В аналитической части нашей дипломной работы, мы анализируем повести-сказки «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» Успенского при помощи основных литературоведческих понятий, в частности, нарратологии. Таким образом, мы надеемся приблизиться к вопросу о репрезентации ребенка как субъекта действия в социалистическом и постсоциалистическом обществе, и сможем также подвести итоги о том, как литература, особенно литература для детей, отражает общественные явления.

1.3 Термины и основные понятия

Основными понятиями в нашей работе являются термины, относящиеся к нарратологии. Нарратология – это теория повествования. Задача нарратологии: понимать природу, характер литературы через открытие общих структур нарратива. (Шмид 7.7.2010.) Нарратология ведет свое начало от структурализма и, далее, формализма. Поэтому нарратология занимает промежуточное место между структурализмом и рецептивной эстетикой (от формализма – Х.Р.) и рассматривает произведения с точки зрения коммуникативной природы литературы. Таким образом, нарратология изучает структуру произведений, но в рамках диалогического взаимодействия писателя и читателя. (Koskela, Rojola 1997, 38.) Из-за рецептивной характеристики нарратологии, мы думаем, что плодотворно было бы рассматривать также то, как критики относились к книгам Успенского.

Объектом нарратологии является построение событий произведения (Шмид 7.7.2010). События, как правило, рассказываются в повествовании, написанном автором текста вторичному субъекту изображения и речи. Вторичным субъектом, традиционно, является либо повествователь, либо рассказчик. (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004, 235.) В некоторых теориях обнаруживается также понятие «рефлектор», означающий то, что нарратив, не имеющий доступа в сознание персонажей, является объективным по отношению точки зрения (там же, 238; Шмид 7.7.2010).

Как мы уже отметили, нарратология изучает структуру произведений. Структуру в том смысле, что существуют мир действительности (автора, читателя) и мир произведения (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004, 215). С одной стороны, рассказчик находится внутри мира произведения и ведет рассказ от первого лица. С другой стороны, повествователь находится на границе мира действительности и мира произведения и ведет повествование от третьего лица. (Там же, 235-236, 240.) Следовательно, также аспект точки зрения нельзя использовать в одном и том же значении, когда различают повествователя от рассказчика (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004, 217-218). *Точка зрения* – это отношение повествователя-рассказчика или персонажа к повествованию. С помощью точки зрения «наблюдатель» выражает свою оценку. (ЛЭТП 2001, s.v. *точка зрения*.) Точка зрения может проявляться в идеологическом, фразеологическом (напр., описывание разных героев различным языком), пространственно-временном или психологическом поле (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004, 218-219).

В литературоведении есть множество определений понятий повествователя и рассказчика, но общим для них является то, что нарратив и читатель находятся во взаимодействии. Кроме того, все теоретики, более или менее, различают рассказчика от повествователя (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004, 235, см. Там же 235-240.) Поэтому и мы следуем традиционному взгляду о противопоставлении этих двух нарративов.

Далее мы выясняем точнее, что подразумевается под понятиями «повествователь» и «рассказчик». *Повествователь*, как правило, не участвует в сюжетном действии. Однако он знает все обо всех и знает также мысли и чувства персонажей. Иными словами, повествователь – всеведущий. В таком случае повествование, как правило, ведется от третьего лица. Если же повествование ведется от «я», то речь идет о рассказчике, который может быть, в принципе, и автором произведения. (Там же, 238-241.) Важно, однако, подчеркнуть, что рассказчик только *может быть* автором произведения. Если применять только биографический метод в исследовании, то существует риск автоматической интерпретации о том, что я-рассказчик всегда является автором произведения.

Рассказчик, в отличие от повествователя, как будто участвует в действии, поскольку он находится внутри мира произведения (см. там же, 235, 238). Далее, повествование субъективного я-рассказчика может выражать авторские оценки, слова автора (Тамарченко 7.7.2010). По крайней мере, как нам кажется, я-рассказчик дает иллюзию о том, что говорит сам автор. Повествователь и рассказчик, как уже выше было отмечено, отражают разные точки зрения, позиции. В таком свете он-повествователь, по нашему мнению, более нейтрален. Он-повествователь (далее повествователь) произведения – это тот, с помощью которого ведется повествование и кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей. Кроме того, он изображает как внешний, так и внутренний облик действующих лиц и обстановку действия. (Тамарченко 2000, 284.) С точки зрения этой работы, нас более интересует образ всезнающего повествователя, хотя необходимо отметить, что отношения повествователя-рассказчика не всегда являются точно такими же простыми, как в нашем случае.

Кроме повествователя и рассказчика, к основным понятиям нарратологии относятся сюжет, фабула и тема произведения. Часто смешивают понятие «сюжет» с понятием «фабула». Как мы выше отметили, современная нарратология основывается на теориях структурализма и формализма. В течение XX века много спорили о значении терминов сюжета и фабулы, поскольку некоторые исследователи не соглашались с противопоставлением этих понятий. (ЛЭТП 2001, s.v. *сюжет*.) Их мнение об этих терминах основывалось на теориях Аристотеля, и они считали, что сюжет и фабула соответствовали друг другу (Koskela, Rojola 1997, 38). Таким образом, существуют разные мнения о сюжете и фабуле и, поэтому термины оказываются трудными, чтобы понимать их однозначно. Мы считаем, что необходимо, в какой-то степени, различать эти понятия друг от друга, поскольку история повествования может быть представлена несколькими словами, а все-таки чтобы рассказывать историю, писателю нужно большее количество страниц. Автор описывает и окрашивает историю деталями. Так, читатель должен обдумывать, что происходит, на самом деле, в тексте. (Там же, 39.)

В нашей дипломной работе нам не надо выражать нашу точку зрения о понятиях сюжета и фабулы. Правда, выражать свою точку зрения – нелегко из-за проблематичности самих терминов. Как мы выше отметили, необходимо проводить

различие между простейшей историей и «интригой». В нашей работе, однако, мы употребляем слово «события», когда мы кратко рассказываем, что случается в произведениях Успенского.

Тема произведения близка понятию сюжета и фабулы или события произведения. *Тема* – это то, что события в глубоком смысле слова описывают и выражают (ЛЭТП 2001, s.v. *тема*). Это основная идея текста. Выше мы отметили, что в зависимости от того, каким является нарратив, определяется также точка зрения. По нашему мнению, понятие темы близко также понятию точки зрения, поскольку в теме, похоже, выражена точка зрения. В советское время идея в произведениях играла особенно важную роль, и ее надо было согласовывать с требованиями партии. В отличие от темы, *мотив* произведения – это простейшая единица повествования и, можно даже сказать, источник события (Тамарченко 2000, 54). Мотив представляет собой повторяющийся элемент (ЛЭТП 2001, s.v. *мотив*). В сущности, мотив, как мы это понимаем, – это значительный элемент, у которого есть своя функция из-за повторяющейся характеристики. Таким образом, мотив часто является движущей силой. Мы предполагаем, что мотивом может служить какое-то событие, какая-то идея или картина, какой-то образ или предмет. Мы также предполагаем, что наблюдая мотивы произведений, возможно выяснить основную идею, тему. Мы считаем, что делать различие между отмеченными понятиями – очень важно. При помощи понятий мотива и темы, мы можем обдумывать, *почему* события начинаются (мотив) и *какая* мысль находится в глубине сюжета, *что* автор хочет сказать (тема).

В качестве подхода, уходящего корнями в структурализм, нарратология влияла во многих разных областях науки (Koskela, Rojola 1997, 61). С помощью общих концепций нарратологии возможно также изучать, например, повествование кинофильмов (там же, 56). Мы признаем, что в методе нарратологии также есть свои недостатки. Как нам кажется, одним из таких недостатков является то, что проблематика пространства и времени действия не имеет значительной роли в нарратологии. Категории пространства и времени действия, по нашему мнению, очень важные с точки зрения интерпретации литературных текстов. Анализируя произведения Успенского при помощи нарратологии, и выясняя основную тему,

точку зрения и мотив произведений, мы можем сделать выводы о положении ребенка в шкале объект – субъект действия.

Любой литературный текст так или иначе воспроизводит реальный мир – либо материальный, либо идеальный. Естественными формами этого мира являются время и пространство произведения. (Есин 2000, 47.) При анализе произведений «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» категория времени и пространства важна, потому что она раскрывает общественные положения и помогает нам выяснить, какие изменения возникали в описываемую эпоху в социалистическом обществе с точки зрения семейных ролей и воспитания.

Литература никогда не читается как «чистый лист», а как часть культурных конвенций (Niemi 2000, 41). Поэтому принято перечислять разные роды литературы и жанры. Также среди литературы для детей существуют самые разные жанры, независимые от норм и многомерных отраслей эстетики. Распределение детской литературы на жанры не всегда бывает легким. Является ли детская литература действительно литературой для детей, или литературой, назначенной также для взрослых? Ответа на это не существует, но необходимо отметить, что каждый читатель может делать свой выбор по отношению к жанру. Следовательно, жанр зависит от возраста читателя и характера самого процесса чтения. (Там же, 49.) В нашей работе в качестве жанра мы употребляем понятие «повесть-сказка» из-за следующих причин: во-первых, *повесть* – прозаический, средний по объему жанр. В литературе он, обычно, не вычленяется, но, все-таки, отличается от рассказа и романа. (ЛЭТП 2001, s.v. *повесть*.) Во-вторых, *сказка* – вид фольклора, который обладает развлекательным характером. В сказке, обычно, события совершаются в нереальном пространстве и времени. Несмотря на это, в сказке сохранены и правдивые жизненные детали. (Там же, s.v. *сказка*.) Мы считаем, что определение сказки является немного неточным. По нашим наблюдениям, во всех жанрах всегда существуют, более или менее, элементы реальные. Реальным и мы считаем всякие физические детали, как например, тело персонажей.

Несмотря на то, что характер детской литературы невозможно точно определить, следует отметить, что литературу для детей характеризуют несколько особенностей, приводящих к тому, что детские книги отличаются, все-таки, от книг, явно

назначенных для взрослых. Из-за этого особого статуса, как нам кажется, способ изложения детской книги отличается от способа изложения книги для взрослых. Детям необходимо понимать, *о чем* повествуется в книге. Поэтому язык в детской литературе должен быть ясным и доступным для понимания детей. Мы считаем, что повествование в детской книге должно всегда быть выразительным, чтобы вызывать внимание юных читателей. Мы, однако, хотим обратить внимание на то, что не только дети, но и взрослые читают детскую литературу. Поэтому, похоже, писатели детских книг, обычно взрослые, пишут произведения и для детей и для родителей. Этот факт, по нашему мнению, является одним из поводов тому, что книги для детей всегда, в какой-то степени, поучительные. Интересно, что повести-сказки «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» развлекают как детей, так и взрослых и, к тому же, часто по-разному. Разные вещи вызывают смех ребенка и взрослого.

Иллюстрации в книгах для детей являются крайне важными, поскольку восприятие произведения детьми опосредуется, в первую очередь, визуальным рядом (Круглякова, Лурье 2003, 169). К тому же, ребенку обычно трудно представить ситуацию в целом по словесному описанию. Иллюстрация, таким образом, нередко помогает ребенку усиливать впечатление от прочитанного и объяснять непонятое. (Бройде 2010, 20.) Поэтому ясно, что картинка должна соответствовать тексту и его содержанию. В худшем случае, без иллюстрации, слова могут даже терять свое значение. Далее, в текстах для детей нередко бывают устаревшие слова и, поэтому, без хорошей иллюстрации ребенок лишается возможности расширить свой кругозор и лексикон. (Круглякова, Лурье 2003, 169-170, 172.) Кроме того, иллюстрации, по нашему мнению, дают много намеков, например, о времени действий, о внешности персонажей и, даже, о критике общественных организаций. Мы считаем связь иллюстрации и текста важной и, поэтому, при анализе, кратко обсудим также иллюстрации произведений Успенского¹.

В рассматриваемом нами тексте особый оттенок несут стили иронии и пародии. С одной стороны, *ирония* – насмешка, содержащая в себе двойной смысл. Это означает, что правдой не является то, что автор говорит прямо, а то, что говорится опосредованно. В следствие этого, ирония тем сильнее, чем больше противоречия. (ЛЭТП 2000, s.v. *ирония*.) С другой стороны, *пародия* – комическое подражание

---

¹ Источниками анализа служат иллюстрации из финских переводов, которые одновременно являются исходными иллюстрациями из русских книг. Иллюстратор книг – Геннадий Калиновский.

другим произведениям. Насмеваются и над стилем, и тематикой. (Там же, s.v. *пародия*.) Мы считаем, что пародия – не только подражание другим литературным произведениям, но что пародировать можно также явления действительности, общества и людей в этом обществе. Интересно, что стили иронии и пародии в книгах Успенского, как нам кажется, направлены взрослому читателю, но несмотря на это как взрослые, так и ребята с удовольствием читают книги автора. Поэтому мы предполагаем, что из-за многоплановости стиля Успенского и его таланта, его произведениями наслаждаются и дети, и взрослые. Надо отметить, что детская книга должна быть понятна для только развивающихся мыслительных способностей ребенка. Поскольку дети не всегда отличают шутку от реальности, юмор должен быть специфическим. Юмор, в свою очередь, необходим для детской книги – если книга не интересна, не увлекательна, она не воздействует на ребенка воспитательно. (Бройде 2010, 20.) Очевидно, что существуют и такие юмористические приемы, над которыми все смеются. Таким, по нашему мнению, является абзац из книги «Дядя Фёдор», в котором почтальон Печкин стучится в дверь, принося журнал Мурзилку. А дома нет никого, кроме говорящей галки. Почтальон Печкин стучит, галка в ответ: «Кто там?» Так и продолжается, пока Печкин не лишается рассудка.

Кроме терминов, относящихся к нарратологии и вообще литературе, необходимо выяснить понятия «*действующий субъект*» и «*объект общественного воспитания*.» Под субъектом действия, мы понимаем ту деятельность человека, в которой индивидуум сам решает свою судьбу. Это значит, что субъект является активным по отношению к действию и свободным от социальных принуждений (Hosiasluoma 2003, s.v. *subjekti*.) Таким образом, объект, напротив, пассивен, он знает, какие правила существуют в обществе и, как им надо следовать. Следовательно, объект зависит от мнений других людей, ожиданий и требований культуры, традиций и общества. Эти ожидания, разумеется, управляют и действиями индивида. В главе 2.3.3 «Понятия действующий субъект и объект общественного воспитания» мы рассматриваем эти понятия глубже.

2 ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

В этой главе мы рассматриваем жизнь писателя, автора книг для детей Эдуарда Успенского и некоторые основные черты его творчества. Наш подход к этой теме – биографический. Мы сосредоточимся на раннем творчестве автора по той причине, что события этого периода жизни поясняют, в некоторой степени, события советского времени произведений Успенского. Рассмотрение биографии Успенского важно и для того, чтобы легче было понимать рассказы «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» и связывать эти рассказы с внелитературным, общественным контекстом. Как уже было отмечено в главе 1.2, большая часть информации основывается на биографии Успенского, написанной Ханну Мякеля (2008) потому, что нам не удалось найти источников об авторе. С одной стороны, некоторые литературные источники хвалят Успенского, отмечая, что он – из тех немногочисленных писателей, кто являются известными во всем мире (см. напр. РДП 1997). С другой стороны, во многих источниках даже не отмечается имя Успенского. По нашему мнению, скудность источников говорит о том, что статус Успенского как писателя мало ценили в советские времена.

2.1 Эдуард Успенский и его творчество

Эдуард Николаевич Успенский родился 22 декабря 1937 года в городе Егорьевске, недалеко от Москвы (Зубарев 9.2.2010). Как отмечает про Успенского Ханну Мякеля в своей книге «Эту», писатель сам ничего о родном городе не помнит по той причине, что семья переехала в Москву уже через год после рождения Эдуарда. Кроме Эдуарда, в семье были еще старший брат Игорь, ныне умерший, и младший Юрий. (Mäkelä 2008, 108.)

Мать будущего писателя, Наталия Алексеевна, обучалась инженерному делу и работала, в основном, на ткацких фабриках. Отец Николай Михайлович был строителем, но работал в обеспеченном месте Центрального Комитета (ЦК) в Москве. Семье жилось хорошо в Москве, поскольку она получила квартиру через рабочее место отца. Ханну Мякеля уточняет, что мало было таких людей, кто бы

остался в провинциальном городе, если была возможность переехать в Москву, получить хорошую квартиру и разрешение проживать в столице. (Там же, 108.)

Отношения Эдуарда с родителями были крайне отдаленными. Как отец, так и мать работали с утра до вечера, и поэтому у родителей не хватало времени для детей. К счастью Эдуарда, мать его отца жила вместе с семьей. (Там же, 113.) Бабушка ухаживала за внуком, рассказывала ему о дореволюционном времени, которое она так любила (там же, 121). Не исключено, что будущий писатель усваивал свои жизненные ценности от бабушки.

Любовь будущего писателя к зверям и животным также уходит корнями в детство. В состав семьи входила породистая собака по имени Соболь. Эдуард вспоминает, как раз в месяц всем породистым собакам давали пачки с кормом. Однажды он взял собаку, чтобы лечь с ней вместе в кровать, а мать с отцом не могли справиться со своими нервами, рассердились на сына серьезно. (Там же, 116-117.) Подобные события сродни событиям рассказа «Дядя Фёдор», в котором Федор, любящий животных, убегает из дома из-за того, что мать ему не разрешает держать кота. В деревне, где они поселятся, Федор ухаживает за птицами и зверями, кормит их.

Отец Успенского, долго проболев, умер в 1947 году от туберкулеза. Тогда Эдуарду было всего 10 лет. (Там же, 119, 123.) После смерти отца жизнь семьи усложнилась. Наталия Алексеевна вышла вторично замуж. Вторым мужем работал бухгалтером в Комитете государственной безопасности (КГБ). По словам Мякеля, отчиму брак был на руку, так как при браке ему с сыном Борисом досталась квартира в Москве, между тем, как семья Успенских нуждалась в деньгах. Мякеля даже предполагает, что брак был заключен вроде торгового договора. Новая семейная ситуация стала последней каплей для Эдуарда, вследствие чего отношения сына с матерью окончательно охладели. (Там же, 123-125.) Возможно, что этот биографический факт повлиял на то, что автор изобразил в рассказе «Дядя Фёдор» мать Федора женщиной строгой и достаточно холодной.

Успенский заинтересовался учебой, когда был в переломном возрасте. В начале каждого учебного года, Эдуард прочитывал учебники математики и физики. По словам его самого, он иногда знал дисциплины математики даже лучше, чем

учителя. Поэтому Эдуард часто бездельничал во время уроков и спорил с учителями. Тогда директор школы предложил, чтобы подростковый Эдуард начал работать пионервожатым с учениками третьего класса. Ему надо было учить их хорошему поведению, и, время от времени, он проводил целый день с этими учениками. Сам Эдуард считает, что занятия с детьми послужили причиной того, что он принялся за работу детского писателя. (Там же, 134-135.)

В 1961 году Успенский окончил авиационный институт и стал инженером. Еще во время учебы он писал юмористические рассказы как для взрослых, так и для детей. По окончании института Успенский, однако, не работал инженером, а только писателем. (Hellman 1997, 155.) Кроме того, он писал тексты для таких популярных передач, как «В нашу гавань заходили корабли», «АБВГДейка» и «Радионяня» (Зубарев 9.2.2010). Интересно и смешно то, что еще в детстве будущий писатель мечтал о профессии академика, министра или золотоискателя (Успенский 1978, 81).

Героями книг Успенского являются как проворные дети, волшебники и механики, так и животные, занимающиеся всевозможными делами (Hellman 1997, 156). Но, хотя в книгах Успенского существуют и взрослые, все характеры его, более или менее, детские. У них детские черты характера, они наслаждаются конфетами и т.д. (РДП 1997, 451.) Для Успенского характерен почти абсурдный юмор и нарушение конвенций. (Hellman 1997, 156.) Далее, язык Успенского основывается на диалоге. Автор скудно описывает характеры своих героев, зато, через посредство диалога, может сам представить себе, каковы они. (Mäkelä 2008, 173.) Кроме того, Успенский обладает стилем иронии и пародии, из-за чего читателю так смешно читать его книги. Отенок иронии и пародии возникает особенно ярко в книжной серии о дяди Федоре.

Успенский работает во многих и самых разных жанрах. К этим жанрам относятся, к примеру, детектив, приключенческий рассказ и стихотворение. Кроме того, Успенский собирает детские страшилки и фольклор, пишет пьесы и сценарии мультфильмов. (Арзамасцева, Николаева 2002, 395.) Любимый жанр его, однако, веселая повесть-сказка. К этому жанру относятся повести-сказки «Вниз по волшебной реке» (1972), «Крокодил Гена и его друзья» (1966) и «Дядя Фёдор, пёс и кот» (1974). (Арзамасцева, Николаева 2002, 394-395; Hellman 1997, 159.)

Первое произведение Успенского для детей «Крокодил Гена и его друзья» стало чрезвычайно популярным. Главными героями этой книги являются неизвестное зоологам существо Чебурашка с большими глазами и ушами и, конечно, крокодил Гена, который работает в зоопарке крокодилом. (Hellman 1997, 156.) В этой повести-сказке одинокие Гена и Чебурашка становятся друзьями и строят Дом дружбы, в котором одинокие люди и животные могут подружиться друг с другом (Mäkelä 2008, 174).

Сюжет повести-сказки «Вниз по волшебной реке» ведет свои корни к русскому фольклору (Hellman 1997, 156). В этой сказке Успенский соединил традиционные элементы с новыми. Этот факт не нравился всем критикам, но сказка эта способствовала развитию писателя, явилась каким-то этапом в его карьере. (Арзамасцева, Николаева 2002, 398.)

Основным произведением Успенского, по сей день, считается повесть-сказка «Дядя Фёдор, пёс и кот» (Hellman 1997, 158). В этом произведении Успенский продолжает тему одиночества детей, но здесь он выбрал другую точку зрения, не такую как в книге «Крокодил Гена и его друзья». События произведения берут начало от конфликта между мальчиком и его родителями. В отличие от Гены и Чебурашки, у дяди Федора есть семья, коллектив, в котором мальчик мог бы жить. Это, однако, невозможно без кота Матроскина, которого родители не разрешают держать в квартире, и поэтому мальчик переезжает в деревню. (Mäkelä 2008, 188-190.) В деревне, как нам кажется, дядя Федор как бы открывает свой Дом дружбы и строит свой коллектив вместе с котом и псом, однако, без авторитетного вмешательства родителей. В этом произведении Успенский написал о том, что в то время в СССР было почти невозможно: он представляет творчески одаренного мальчика с независимым характером, мальчика, который справляется с повседневными заботами без родителей (там же, 196). В главе 3 «Дядя Федор и роль ребенка как действующего субъекта» мы проанализируем более подробно данную повесть-сказку.

Несмотря на то, что об Успенском существует мало источников при сравнении с некоторыми другими писателями детских книг, популярность автора, как нам кажется, велика. Произведения Успенского переведены на более чем двадцать пять

языков и его книги выходили в Финляндии, Голландии, Франции, Японии и США. Кроме того, мультфильмы, снятые по книгам Успенского, любят дети разных поколений. Некоторое время назад снимали мультфильм о Чебурашке в Японии. (Корябина, Безугленко 2002, 20, 22.) Хотя Успенский испытывал множество трудностей, что касается публикации его книг, популярность автора все увеличивается, особенно теперь благодаря радио- и телепередаче «В нашу гавань заходили корабли». Может быть, секрет популярности Успенского в том, что он сам человек с детским характером, не потерявший детского восприятия мира и, таким образом, умеет писать книги для детей. Одновременно, он человек остроумный, веселый, имеющий способность писать также для взрослых. (Валькова 2002, 10.)

2.2 Общественный контекст замысла

Каждый человек проходит через детство и переломный возраст. Те, кто теперь уже стали взрослыми, были когда-то юными. У каждого поколения молодежь разная, и, следовательно, ценности у каждого поколения разные. Но есть и постоянно действующий факт: молодежь – будущее страны, в ней ее потенциал, надежда и вера. В связи с этим, существуют всевозможные мнения о задачах воспитания, но, как нам представляется, одна из важнейших задач – воспитывать ребенка так, чтобы он мог жить в обществе и в жизни. Поскольку литература связана не только с корнями своей культуры, но и природой физической (см. Niemi 2000, 51), и поскольку политические, экономические и социально-идеологические изменения всегда связаны и с другими сферами жизни, нам необходимо выяснить не только основные принципы воспитания 1960-х и 1970-х годов, но и некоторые исторические факты, касающиеся последних лет существования Советского Союза.

Для первых послереволюционных десятилетий характерен был строгий контроль, проходящий сквозь все уровни тоталитарного общества. Советский народ был коллективом, руководимым вначале В.И. Лениным, затем И.В. Сталиным. В этом обществе воспитание обладало особенным характером: деятельность общества была всецело направлена на движение к цели светлого будущего, к коммунизму. Воспитание детей было делом не только родителей, но и общества (см. 2.2.2). Таким образом, перед нами стоят следующие вопросы: 1) какие перемены советское

общество прошло в течение 20 рассматриваемых лет, 2) каким являлось представление о семье в описуемое каждым произведением время и 3) каким образом критики встретили произведения «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора». При помощи исследования этих вопросов нам легче понимать отличающие друг от друга формы проявления критики книг Успенского.

2.2.1 Отношения перестроечного общества и детской литературы

Последние десятилетия существования Советского Союза охарактеризовали значительные изменения как в сферах политики и экономики, так и в социальной и нравственной сферах. С середины 80-х годов начинался курс реформирования тоталитарной системы в СССР (БРЭС 2003, s.v. *перестройка*). На практике политика перестройки стремилась к развитию экономики, демократии и отраслей производства. Стремилась и прислушиваться к международной атмосфере, и вследствие политики перестройки и гласности, в обществе появился плюрализм мнений. Бесконфликтного государства теперь уже не могло быть. (КПС 1989, s.v. *перестройка*.) Вследствие этого, перестройка не привела к желанным результатам, а из-за противоречивостей произошел кризис во всех сферах жизни общества (БРЭС 2003, s.v. *перестройка*). Экономика и финансовая система развалились, в магазинах не было хлеба, чистой воды. Нищета народа распространялась и, в конце концов, криминальные структуры проникли в общество. В такой ситуации предполагалось введение свободных цен, свободы торговли, а также приватизации жилья и предприятий. Считалось, что плановая экономика привела страну только к развалу и следовательно, плановая экономика должна была уступить свободному рынку. (Россия 2002, 387.)

Правда, что художественное произведение часто возникает из-за кризиса, являющегося шире личности (Niemi 1991, 38). Как известно, такие великие писатели XIX века, как Достоевский и Толстой, косались политических тем в своих текстах. Достоевский, например, писал антинигилистические произведения во время так называемого кризиса нравственности. Далее, когда речь идет об изучении социологического характера литературы, принято разделять три возможных отношения литературы к обществу. Во-первых, можно говорить об отражении

(литература отражает состояние общества), во-вторых о воздействии (литература оказывает влияние на внешний мир) и, в-третьих, о социальном контроле (с помощью цензуры). Ясно, что глубокое изучение влияния литературы на другие области жизни является невозможным из-за того, что объективных измерителей нет. Несмотря на это, когда мы рассматриваем писателя как общественное лицо, у которого есть некоторая власть над читателями, возможно употреблять термин «*Homo sociologicus*», и значит к образу писателя присоединяются разные роли. Литератор одновременно участвует в действиях коллектива и наблюдает за этими действиями. (Niemi 1991, 74, 78.) Нам представляется интересным то, что даже среди литературы для детей можно найти политику, экономику и критику против общественных структур, и, к тому же, весьма яркую. По нашему мнению, однако, перемены, происходящие в советском обществе, вообще, не могут быть игнорированы литературой, поскольку литература, так или иначе, всегда является отражением своего времени.

Современные дети, особенно дети времен гласности, стояли среди колоссальных перемен, вследствие чего на них обрушилась перегрузка, стресс. Поток информации, новая среда обитания, новое отношение к школе, новый тип поведения и, конечно, изменившаяся семья – все эти факторы оказывали влияние на детей. Традиционные методы воспитания были эффективны в неизменных условиях жизни, и социальных структур. А теперь, из-за урбанизации и новых отношений к взрослым, поколение детей гласности переживали ранние эмоциональные потери, трудности самовоплощения, особенно в больших городах. Одновременно, прежний взрослый авторитет ставился под сомнение. Исчезла иллюзия стабильной, однородной жизни. Наоборот, жизнь оказалась многослойной. Особенно для современного поколения свойственна самостоятельность и неповторимость. С этой реальностью столкнулась не только педагогика, но и детская литература. (Акимова, Акимов 1989, 13-16.) Кроме того, в 1970-х и 1980-х годов распространялось сильное ощущение о фальшивости общества и его структур, начинали цинично относиться к власти, к государственной идеологии. Осознав, что власть только делает вид, что строительство коммунизма идет вперед, интеллигенция села в электричку «Москва – Простоквашино». (Барабан 2008, 444.) Что касается повестей-сказок «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора», то они являются примерами отражения общественных изменений и общественной критики в детских книгах. Кроме того, мы считаем, что

названные книги, если и не оказывают влияния на внешний мир, то, по крайней мере, отражают действительность и социальный контроль СССР и Российской Федерации.

2.2.2 Представление о семье в тоталитарном и посттоталитарном обществе

Теперь мы хотим рассмотреть, какой являлась семья, с одной стороны, в первые десятилетия Советского Союза и строгого тоталитаризма, и, с другой стороны, какой стала после самых резких перемен, во время и после гласности. Чтобы выяснить эту проблему, мы рассматриваем основные ценности социалистического общества, относящиеся ко всем сферам жизни людей. Мы также коснемся вопроса о нормативном поведении среди людей этого социалистического коллектива. Конечно, важный момент с точки зрения нашей дипломной работы – вопрос об осуществлении власти. В семейном контексте мы рассматриваем вопрос о власти с точки зрения дисциплины.

Как известно, одна из значительных ценностей социалистического общества – коллективизм. Коллектив, по словам советского педагога и писателя А.С. Макаренко, – социальный организм, у которого есть полномочия, обязанности, связь между частями и взаимозависимость. Одним из признаков коллектива является то, что он целесообразно организован и способен к деятельности. (Макаренко 1951, 12, 44.) По нашему мнению, коллективом может быть как семья, так и весь народ.

Воспитание было делом не только одной личности, а всего коллектива, который участвовал в нем. Воспитание ребенка являлось социальным процессом, и через этот процесс ребенок становился членом коллектива. (Макаренко 1983, 7; Макаренко 1951, 12.) В сфере гражданских долгов для советского человека считалось, к примеру «разоблачение классового врага». Представление о счастье было также связано с коллективом. Такие «людские» представления о счастье, как «рождение ребенка» или «приобретение велосипеда» были поняты как результат заслуг социалистической системы (Лебина 1999, 150).

Одним из важнейших коллективов была семья. После революции многие большевики уверяли, что семья как базисный устой исчезнет во время настоящего коммунизма. В.И. Ленин, однако, считал, что семью не надо отменять, но что буржуазную сторону семьи с патриархальными и материалистическими характеристиками следует изменить. Таким образом, «идеалистическая семья» тоталитарного общества была семья равноправная, по крайней мере, в представлении Ленина. Считалось, что женщине необходимо уметь заботиться о себе; это представление привело к тому, что многие мужчины бросали своих жен и детей. (Pearson 1990, 72-73.) В результате, поскольку времена были трудными, многие дети становились беспризорными и страдали от голода (Goldman 1993, 341). В начале 1930-х годов Сталин сократил свободу, что касалось семейной жизни. Сталин усилил контроль над семьей, чтобы мечта об идеалистической семье и государстве сбылась. (Pearson 1990, 74-75.) В 1936 году, к примеру, аборт был запрещен. Далее, развод тоже стало труднее оформить, чем в эпоху Ленина. (Goldman 1993, 341.) Но после сталинской эпохи, легче стало развестись и сделать аборт. К тому же, идеалом по отношению к числу детей стал три-на-четыре. (Pearson 1990, 74-75.) Иными словами, лучше было иметь среднюю по количеству детей семью, чем семью с единственным ребенком. Также Макаренко отмечает, что если семья потеряет свои признаки коллектива, например, путем системы единственного ребенка, то тогда этот коллектив легче разрушается при первой неудаче. В семье с единственным ребенком просто недостаточно людей для коллектива. При отсутствии братьев и сестер у единственного ребенка не развивается, к примеру, уважение к взрослым. (Макаренко 1983, 45, 51-52.)

Мы считаем, что из-за резких изменений в семейном коллективе родительские отношения к детям, браку и к другим членам семьи – пострадали. Так называемые семейные коды изменялись – сначала легко было развестись, а потом развод был запрещен. Аналогичной была ситуация с абортom. Поскольку стремились к равноправию членов семьи, женщинам тоже приходилось работать вне дома (Pearson 1990, 72; Goldman 1993, 314). И, поскольку женщины были вовлечены в общественный труд, число детей уменьшилось и значительно сократилась доля матери в семейном воспитании (Акимова, Акимов 1989, 20).

По мнению Макаренко, наиболее обыкновенной отговоркой родителей, не имеющих успеха в воспитании был общественный долг и работа, то есть отсутствие времени для детей (Макаренко 1983, 6). Принимая во внимание социальный характер воспитания, нам представляется иллюзией то, что только один родитель воспитывал детей.

В правильно организованном семейном коллективе родители были авторитетом и имели право на принятие решений. Семейная дисциплина, однако, означала спокойное, серьезное распоряжение, а не применение силы. (Там же, 70, 100.) Применение дисциплинарных взысканий, в свою очередь, давало лучший эффект тогда, когда взыскивали прежде всего самые лучшие, а не самые худшие. В таких случаях дисциплина казалась более обусловленной. (Макаренко 1951, 91-93.) И так, представление о дисциплине в социалистическом обществе являлось прогрессивным, стремящимся к какой-то определенной цели (там же, 80). Одним из важнейших средств дисциплинарных мер была так называемая закалка. На практике это означало, например, пробуждение рано утром и натирание полов школы перед уроками. Если кто-нибудь из группы справлялся плохо с работой, то он получал не прямое наказание, а запись в записную книгу. (Там же, 86, 94-95.)

В связи с понятием «настоящей семьи», в центре сталинской культуры находился миф о «великой семье». Великая семья понималась как связь государства и граждан. Эта связь представлялась такой же, как связь «маленьких семей», основанных на связях кровных. В отличие от маленьких, настоящих семей, схема большой семьи означала, что государство важнее личности, то есть в конфликте между государством и семьей необходимо было отречься от своих интересов во имя «общих благ». Большая семья являлась своего рода машиной, руководящими лицами которой были «отцы», обычно партийные лидеры. Немного менее великие, в свою очередь, считались «сыновьями». Задача отцов – воспитывать сыновей и служить примером для подражания. Важным инструментом цели подражания являлась литература. Так, в 30-е годы XX века много писали биографических произведений об обыкновенных людях. Биографии о сыновьях были во многом похожи на биографии отцов, но сыновьям следовало быть безответными и, естественно, более послушными. (Кларк 2000а, 785, 786, 788.) Поскольку авторитеты советского государства подчеркивали важность социальной природы для развития ребенка, они

оказывали детям и давали модель об идеале. Высшим идеалом был, безусловно, Ленин. (Pearson 1990, 59.)

2.3 Детская литература 60-х, 70-х и 80-х годов XX века

Теперь мы обратимся к теме детской литературы после резкого тоталитаризма. Эдуард Успенский имел большие проблемы при опубликовании своих произведений. Чтобы понять, почему так обстояло дело, нам следует, вкратце, охарактеризовать общественный контекст, то есть, вовлечь рассматриваемый текст в литературный процесс, особенно в процесс детской литературы в застойное время 1960-х и 1970-х годов, а также 1980-х годов.

После жесткого периода сталинского тоталитаризма 1930-х - 1940-х годов, в период правления Н.С. Хрущева (1953-1964), наступила так называемая оттепель. Характерно для этого времени – появление относительной свободы слова в творческой деятельности. (Balina 2008a, 97.) В течение нескольких лет сформировалось поколение людей, которые мыслили более свободно, чем раньше (Арзамасцева, Николаева 2002, 341). Можно утверждать, что тоталитарная власть ослабла. Изменения такого рода приводят к деформации внутрисемейных и общественных отношений и даже – к одиночеству человека. В этом процессе больше всего страдают незащищенные дети. (Левченкова 2008, 23.) Дело в том, что раньше в семье было, как правило, не менее двух детей, а во время оттепели, наоборот, только один ребенок и, к тому же, часто оба родителя работали с утра до вечера и не могли уделять достаточно времени ребенку (Mäkelä 2008, 184). Еще в послевоенные годы, во время стремительной урбанизации и изменений всех социально-демографических условий, поколение детей утрачивало связь с закономерностями общества. С середины 50-х годов начинали проявляться новые закономерности во всех сферах бытия. Это развитие продолжалось в 60-е годы и, в связи с этим развитием, писатели боролись против узких догм детской литературы, за многообразие восприятия. Поворот этот ставил перед детской литературой новые сложные проблемы, связанные с вопросами власти: «Кто управляет жизнью человеческой? Сам человек и управляет!» Теперь уже не надо было готовить детей к войне, а к жизни. (Акимова, Акимов 1989, 46-47, 50.)

Изменения жизненного содержания требовали и новых тем в сфере детской литературы (там же, 51). Активно возрастало количество писателей (Арзамасцева, Николаева 2002, 342). Наиболее распространенными жанрами этих авторов являлись школьная новелла, приключенческий и юмористический рассказ и фантастика (Balina 2008б, 15). Если раньше, как правило, стремились к бесконфликтности, которая приводила к «лакировке» концепции об идеальном ребенке и, вообще, действительности, то теперь необходимо было воссоздать всю картину мира в детской книге, преодолеть романтизацию счастливого детства с помощью теории дегероизации (СДЛ 1978, 385-386). Это означало, что появились произведения о детях, убежавших из дома. Эти убежавшие дети были неправильно поняты среди самых близких им людей. (Balina 2008б, 15.) В каком-то смысле дети-беглецы бунтовали против родителей. Вследствие этого, можно даже заметить, что семейный коллектив пришел в беспорядок, поскольку родительский авторитет постепенно утратил свое значение. Ставилась под сомнение семья, в которой существует полный порядок, подчинение родителям и послушание. (Там же, 15.)

Далее, в книгах для детей изображались родители, у которых не хватало времени для детей. Например, в повести Л. Матвеевой «Мы в пятом классе» рассказывается, как мама всегда спешит, но не к детям. Одновременно, как это ни странно, у ребенка не хватало свободного времени, ему следовало все время заниматься делом. Таким образом воспитание было под контролем так, чтобы в голову ребенка не полезли «лишние мысли». (Акимова, Акимов 1989, 160-161.) В связи с этим, с одной стороны, в детской литературе стали изображать несчастливые семьи, которые не оказывали поддержки ребенку. С другой стороны, стало очевидным, что ответственность за воспитание лежит, в основном, на родителях, а не на обществе. Говоря метафорическим языком, детская литература, потихоньку, отправилась в бурное море, «расставшись с гаванями истин и якорями догм». При сравнении с детской литературой военных лет, литература, начиная с 60-х годов, стала решать иные задачи. Речь идет о внимании к личности, связанной, естественно, с понятием героя. А герой – это объяснение, открытие целой эпохи, ответ на реальные вопросы. Эта личность являлась целью детской литературы. Сопrotивление личности и среды, обстоятельств, являлось характерной темой в детской литературе этих лет, особенно 1970-х годов. (Акимова, Акимов 1989, 53, 57, 62-63, 72, 74, 159.) Так, на основе противоречивостей детской литературы «нового времени», можно

констатировать, что с этого момента семья не имела значения убежища, а скорее наоборот: из семьи надо было бежать. Несмотря на то, что детская литература 60-х и 70-х годов была во многом новаторской, воспитание детей в духе гражданственности и социализма – продолжалось как и раньше (СДЛ 1978, 385).

Тема бунтующих детей не была самобытной чертой лишь советской детской литературы. Классиком такой детской литературы, пожалуй, можно назвать шведскую писательницу Астрид Линдгрэн, пользующуюся известностью во всем мире. Самым известным ее образом является, вероятно, Пеппи Длинный Чулок (Pippi Långstrump), героиня, привлекавшая внимание читателей уже с 1945 года. Пеппи Длинный Чулок растет и развивается без родителей и, поэтому, она свободна от опеки и запретов. Пеппи изображена энергичной и сильной девочкой, совершающей необыкновенные подвиги. С помощью образа Пеппи, Линдгрэн разрушала многие стереотипы об идеальных послушных детях. Она показала, что реальный ребенок сложнее, чем принято думать. Изобразив сильную, волевою девочку, Линдгрэн была одной из создателей нового идеала ребенка, способного жить автономно, без родителей, и справляться самостоятельно с повседневными заботами. (Арзамасцева, Николаева 2002, 446-448.) Пеппи во многом похожа на образ дяди Федора, который тоже, в какой-то мере, предприимчивый и независимый от взрослой власти ребенок.

Бунтовали дети не только против родителей, но и против общества. Например, в произведениях детского писателя А.Г. Алексина изображены сложные отношения юного человека с обществом. Как и Линдгрэн, советские писатели тоже всматривались в психику ребенка, изображая внутренний мир детей. (СДЛ, 1978, 389, 396, 399.) В связи с этим, и стиль новых детских писателей отличался многоплановостью языка: литература для детей содержала в себе все более глубокий подтекст, являющийся стилистически неоднозначным. Шаг за шагом, современный писатель становился личностью, социальный статус, ценности и картина мира которого отражались в его творчестве. Необходимо, конечно, отметить, что отражение действительности в искусстве никогда не бывает совершенно зеркальным; оно всегда индивидуально. (Там же, 409, 486-487.) В этом отношении, как мы выше отметили, о писателе также можно сказать, что он – «Homo Sociologicus».

Значительную роль в сфере детской литературы посттоталитаризма играет тема природы. В природоведческих произведениях ребята изображены в тесном контакте не только с растительной природой, но и с животными. Литература такого рода обращает внимание ребенка на то, чтобы развивались у него инстинкты долга и понимания к миру природы и животных. Что касается взаимопонимания между людьми разных национальностей, то тема интернационализма по-новому звучала в произведениях молодых авторов. Тема эта была особенно важна в эпоху расширяющихся международных связей. (Там же, 406-407.)

В середине 80-х годов, во время гласности, литература, в том числе и литература для детей, была перед большими и сложными переменами. Раньше, как правило, литература о детях и для детей находилась во власти «ясных и непротиворечивых схем». (Акимова, Акимов 1989, 3.) К тому же, детская литература была построена на педагогических и воспитательных нормативах, канонах, воздействующих на детей и подчиняющих их тем силам, которые представлялись авторитетными. (Там же, 39, 41, 44.)

К концу 80-х годов стали печататься произведения как зарубежных писателей, так и российских авторов, ранее запрещенных. Однако затем, из-за экономического спада, наступило время коммерческой цензуры. Условия «дикого рынка» были, естественно, неблагоприятные для отечественных литератур. (Арзамасцева, Николаева 2002, 343-344.) Также Эдуарду Успенскому было трудно зарабатывать писанием книг для детей. Его книги просто не печатались. Другие литераторы испытывали одинаковые трудности: судьба Юрия Коваля напоминала судьбу Успенского – обоих писателей вычеркнули из плана издательства без всяких объяснений. (Скуридина 1998, 255-256.)

Однако, до «дикого рынка», Успенский, как нам представляется, имел большие проблемы при опубликовании своих произведений из-за самого соцреалистического канона и его узких рамок. Соцреалистический канон – одна из наиболее сильных систем регулирования и выборки произведений искусства советского времени. Необходимо, все-таки, отметить, что канон не неподвижная система, хотя и стремится к управлению развитием искусства. По Хансу Гюнтеру, к этапам соцреалистического канона относятся, например, фаза формирования канонизации,

фаза применения канона, фаза деканонизации и постканоническая фаза. Последние стадии начинаются, как он считает, после смерти Сталина и продолжаются сквозь 1970-е годы. (Гюнтер 2000а, 285-286.) Мы хотим обратить внимание на то, что названные фазы следуют тем изменениям в обществе, которые мы рассматривали в главе 2.2 «Общественный контекст замысла». К тому же, к постканонической фазе относится и специальный прием постмодернизма: интертекстуальность. Буквально интертекстуальность – это текстуальная интеракция, которая конструирует и насыщает массу текста выразительными компонентами, ссылающимися друг на друга. Иными словами, это текст в тексте. Можно сказать, что в современном мире каждый текст оказывается насыщенным «чужими текстами». Особенно явление интертекстуальности проявляется в русской литературе сегодня из-за значительных социальных изменений. Поскольку одной доминирующей идеологии теперь уже нет, российские тексты могут использовать более выразительные приемы в литературном повествовании. (Сметанина 2002, 93, 95, 101, 133.) Таким образом, можно отметить, что все явления, рассматриваемые нами, связаны друг с другом. В ходе анализа, из-за названных причин, мы рассматриваем также категорию интертекстуальности.

2.3.1 Социалистический реализм

Начало развития литературы в советское время связывается с мыслью В.И. Ленина о том, что воспитание, образование и обучение молодежи должны основываться на идеях коммунизма (Hellman 1991, 9). В 1918 году Максим Горький начал дискуссию о литературе для детей и юношества. Согласно Горькому, необходимо было пробудить в духе оптимизма и героизма у читателя-ребенка веру в величие человека, в его бесконечные возможности. (Там же, 10.) Горький также начал дискуссию о языке, в результате чего было установлено, что в рамках соцреалистической литературы необходимо употреблять ясный, точный и понятный язык (Гюнтер 2000, 284). Неудивительно, что именно Горького считают обычно высшим авторитетом метода социалистического реализма в литературе.

Социалистический реализм – это творческий метод, установившийся в литературоведении и искусствоведении СССР и других социалистических стран с 1930-х годов. Этот основной, официальный творческий метод литературы, искусства

и критики ставил художникам целью изображение действительности в ее революционном развитии правдиво и исторически конкретно, иными словами, велел изображать строительство социалистического общества в его движении к коммунизму. (ЛЭТП 2001, с.в. *социалистический реализм*.)² Конечно, социалистический реализм был своего рода механизмом и процессом, а значит – нестабильной системой. Социалистический реализм менял свою форму в течение нескольких десятилетий и, поэтому, в методе можно различать разные фазы. Во-первых, подготовительная фаза в первых десятилетиях XX века, во-вторых, фаза канонизации в начале 1930-х годов. В этой стадии вытесняется основное литературное направление и формируется критика и лозунги соцреализма. В-третьих, фаза экстремального применения канона в 1935-1940 годах, в течение которой множество художников становятся жертвой идеологического террора. В-четвертых, фаза деканонизации, начиная с 1956-ого года, после смерти Сталина, когда канон социалистического реализма начинает терять свои жесткие рамки, и, в-пятых, фаза постканоническая, которая датируется 1970-ыми годами. Для этой стадии характерна плюрализация идеологии и искусства. (Гюнтер 2000а, 281-287.)

Основными понятиями социалистического реализма являются 1) идейность, 2) классовость и 3) партийность (Балина 2000, 362). Наряду с ясным, понятным и доступным рабочему народу текстом обычно выдвигается также понятие народности (ОЛ 2000, 296). Основы вышеупомянутых целей были сформированы еще до Ленина, который лишь активизировал общефилософские рассуждения об отношении языка и политики: «Безыдейность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая.» (Балина 2000, 364-365.)

Мерилом достоинства произведения стало не мастерство автора, а глубина идеи произведения, то есть идеи социализма. Лозунги идейности, классовости и партийности приводили к строгому контролю как над печатными изданиями, так и над самими литераторами. (Там же, 364-365.) Инструментом контроля являлась критика, которая должна была находиться впереди литературы, направлять ее (Добренко 2000а, 390-391). Критиков, в свою очередь, считали учителями читателей, они воспитывали художественный вкус советских людей в одинаковом направлении, соответствующем всему строю советской жизни (там же, 393). Произведения таких

---

² Социализм понимался как промежуточная фаза коммунизма (Добренко 2000б, 31).

советских писателей, как А. Ахматовой и М. Зощенко, являлись, по соцреалистическому канону, безыдейными (Балина 2000, 367-368). Поэтому произведения этих авторов не пропускались цензурой. Так, контроль являлся многоэтапным процессом. Соцреалистический канон составлял определенные рамки и нормы для критиков, которые наблюдали за литераторами и тем, чтобы их произведения соответствовали канону. Кроме внешнего контроля, писатели должны были заниматься «самокритикой». Под конец, литераторы направляли художественный вкус народа. Таким образом, процесс контроля обладал иерархической формой, и в каждом этапе иерархии главной функцией являлось воспитание. (Гюнтер 2000а, 285-286.)

Если постулат идейности означал идеи социализма, то лозунги классовости и партийности являлись, во-первых, требованием доступности литературы, ее понятности, в основном, рабочим и крестьянам, во-вторых, стремлением утвердить интересы пролетарского класса и, в-третьих, становлением партийного контроля над печатью. (Балина 2000, 369-370, 372.) В качестве примера можно привести следующее выражение Ленина: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (там же, 368). Похоже, что надо было отвечать требованиям государства, и другого выбора не было.

Следовательно, беспартийного писателя не могло быть. Понятие классовости буржуазного писателя, в свою очередь, означало идейную закрепощенность, а писатель пролетарского класса был свободен. Пролетарский писатель, по Ленину, свободен, поскольку он сам может сделать свой выбор, выбором же является сторона пролетариата. (Там же, 368-369.)

Итак, что касается пролетарских тем социалистического реализма в свете лозунгов идейности, классовости, партийности и народности, то главными темами являлись 1) революция и строительство коммунизма и 2) героизм труда (ОЛ 2000, 296). Критика, которая следила за разрешенными темами, затрудняла работу и жизнь многим писателям, в том числе – Эдуарду Успенскому. Шедшая впереди литературы, управляя ею, критика играла исключительно важную роль в тоталитарном обществе. Приемлемой литературой считали литературу, содержащую в себе идеи социализма в качестве лозунгов идейности, классовости и партийности. С помощью

соответствующих требований тоталитарного общества и коллективного труда Коммунистическая партия стремилась к единообразию народа и, в конце концов, к воспитанию нового человека. Постепенно, с 1960-х годов, наблюдались изменения позиций в воспитании и семейных ролях. Изменения отражались также в сфере литературы для детей (см. глава 2.3).

Далее, мы обсудим более подробно, что означал метод социалистического реализма на практике, в его применении к детской литературе, и какие последствия были у этого применения.

2.3.2 Социалистический реализм в детской литературе: воспитание нового человека

Социалистический реализм как творческий метод имел целенаправленный характер в советском обществе. С помощью постулатов соцреализма, деятельность народа была направлена на движение к цели светлого будущего, к коммунизму. (Добренко 2000б, 31.) Согласно идее соцреализма, искусство должно было воспитывать, формировать и учить людей (Добренко 2000а, 418). Важно отметить, что детскую литературу естественно характеризуют элементы поучительные и воспитательные (Ронен 2000, 970). Раньше, как правило, родители воспитывали детей народным творчеством, то есть пословицами, афоризмами и баснями (Koroļjov, Gmurman 1981, 9). На основе этого можно даже сказать, что воспитание ребенка в духе социализма легче, чем воспитание взрослого. Ребенком легко манипулировать, так как его сознание склонно к восприятию новых идей и, вследствие этого, такие силы, как государство и высшие авторитеты могут контролировать сознание ребенка (Prokhorov 2008, 135). Вдобавок, русский народ высоко ценит литературу, и не зря: среди самых популярных во всем мире писателей считаются А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н.В. Гоголь и многие другие мастера русской классики. Так, можно сказать, что русский народ – народ читателей (Pearson 1990, 364). Согласно советским специалистам, мастерство языка – существенно для развития в ребенке сознания. Другое дело – как читать книгу. В этом отношении, советских детей ободряли к чтению. К тому же, обучение имело целью заставлять

детей думать о книгах определенным образом. (Там же, 358, 361.) Иначе говоря, дети учились читать соответственно требованиям Партии.

Вообще, детская литература следовала линии взрослой литературы (Арзамасцева, Николаева 2002, 225). Цели, которые были установлены для взрослой литературы, выявляются и в литературе для детей. Поэтому и мы рассмотрим влияние социалистического реализма на детскую литературу сквозь взрослую литературу.

В главе 2.2.2 мы рассматривали представление о семье и, в связи с этим, был упомянут сталинский миф о «большой семье». Архетипы советской литературы, в свою очередь, следовали образам этой большой семьи. Как мы уже отметили, с помощью литературы возвышали героев для подражания. Советский роман был, как правило, рассказом о подвигах героя. Герой представлялся молодым человеком, к примеру, героем социалистического труда или героем войны, которого «мудрый отец» воспитывал, указывая на «правильный путь». (Гюнтер 2000б, 743, 756.) Правильный путь, естественно, означал движение от тьмы к свету, к коммунизму. Кроме того, нам кажется, что это был путь развития положительного героя, сына и далее, приготовления, чтобы стать отцом. (Кларк 2000б, 570.) Иллюзией здесь является то, что сыновья никогда не становились отцами, поскольку отцами могли быть только партийные лидеры. Сыновья становились, скорее, преемниками «маленьких людей». (Кларк 2000а, 786-787.)

Описание отцов отличалось от описания сыновей (см. глава 2.2.2). Главное – показывать состояние сознательности отца. Образ отца являлся даже иконообразным, крайне схематичным. Ключевыми словами в описании отцов были, например, *твердый, спокойный, бдительный, упрямый и добрый*. (Кларк 2000б, 574-575, 579.) Вообще, романы, следующие соцреалистическим канонам, были настолько шаблонными, что их можно сравнивать даже с такими литературными жанрами, как сказка или приключенческие романы. (Кларк 2000б, 574-575, 579.) Мы имеем в виду то, что персонажи (сыновья и отцы) играют, более или менее, схожие роли. Мы напоминаем о теории В. Проппа о «функциях персонажей в волшебных сказках: «Функции персонажей являются устойчивыми, постоянными элементами сказки, независимыми от того, кем и как они выполняются». (Propp 1979, 21.) В

фольклорной традиции есть много общего с соцреалистическими романами, только без идеологических основ.

В связи с тем, что писатели создавали шаблонные персонажи, повторявшиеся одинаково из произведения в произведение, обыкновенными являлись неиндивидуальные характеры. Иными словами, эти характеры не отличались друг от друга, а были, скорее, безликими. Описывались они краткими словами и фразами, становившимися намеками, например, о руководителе говорилось «внимательный взгляд». Намеки такого рода показывали ступень сознательности. (Кларк 2000б, 579-580, 582.) В качестве примеров о героических историях служат, во-первых, рассказы о подвигах молодого Сталина (к примеру «Хлеб» А. Толстого), где повествуется о периоде, предшествовавшем его роли отца. Речь идет об эпохе Ленина, когда Сталин являлся так называемым «старшим братом». Во-вторых, рассказы после смерти Ленина-отца, когда уже сам Сталин стал отцом. В этих рассказах Сталин не участвует в действии, поскольку он уже не герой, а некий высший образ. Сталин в поздних рассказах присутствует лишь в виде жестов и слов. (Гюнтер 2000б, 756.)

Итак, детские книги являлись «учебниками жизни» с так называемыми положительными героями. Эти учебники отвечали на важный вопрос: «что такое хорошо и что такое плохо». (Добренко 2000б, 32-33; Кларк 2000б, 569.) Таким образом, книги показывали пример правильного поведения и правильных целей, соответствующих канону соцреализма.

Однако, не следует забывать, что кроме искусства, воспитателем народа служили также другие сферы тоталитарного общества. После основания пионерской организации в 1922 году возникали песни для исполнения в пионерской среде. Пионерские песни были созданы в соответствии с соцреалистическим каноном и, следовательно, в текстах песен формировалась единая система семантического поля. Темы пионерских песен включали в себя идеологические образы, такие, как Родина, Партия, Ленин и дружба. Поскольку жизнь детей проходила в коллективе, дружба в качестве одного из идеологических образов поднимала тонус, вызывала в пионерах состояние радости и бодрости. Песни для хорового пения представляли собой высказывания от первого лица множественного числа – от лица самих пионеров: «Мы будем все героями, / Друзья, в труде любом!» Первое лицо множественного

числа вызывало единое чувство общности среди всех поющих. (Душечкина 2007, 83-85, 87-88.) Хоровое пение и советские детские песни являлись также своего рода поучительными формами пропаганды. С помощью песен уверяли детей, что «нельзя сидеть в комнате» и что прогулки на свежем воздухе можно делать при любой погоде. Иными словами, детские песни вторили идее «закалки» (см. глава 2.2.2). Темы закаливания как в песнях, так и в литературе (Как закалялась сталь Н. Островского) служили подготовкой детей к трудовой деятельности и к защите Родины от врагов. (Душечкина 2001, 399-402.)

Хоровое пение, игры, экскурсии на природу, участие в пролетарских праздниках и в других активностях имели целью оставлять «радостные переживания» о коллективе. (Добренко 2000б, 32.) Сам Эдуард Успенский в своей юности также испытал летние пионерские лагеря, которые воспитывали эти коллективистские навыки (Mäkelä 2008, 141). Деятельность такого рода коллективов способствовала развитию инстинктов товарищества, дружбы и взаимопомощи у детей (Крупская 1988, 248). О значении коллектива для коммунистического воспитания юных пионеров, писала Н.К. Крупская, жена Ленина: «Юные пионеры стремятся воспитать в своих членах коллективистические инстинкты [--] т.е. умение работать и действовать коллективно, организованно, подчиняя свою волю коллективу, проводя свою инициативу через коллектив, завоевывая мнение коллектива, и, наконец, воспитывать коммунистическое сознание ребят...». (Добренко 2000б, 32.) Именно Крупская сыграла большую роль в области советской педагогики, так как она ярко выражала свое мнение о том, что школа отвечает за обучение детей, а детские организации, то есть пионеры, за их воспитание в социалистическом духе (Riordan 1987, 137).

В главе 2.2.2 мы говорили о семье как о коллективе. Как выяснилось, в этом коллективе у родителей действительно была власть, но эта власть являлась только отражением общественной власти. (Макаренко 1983, 13.) На основе сказанного, мы полагаем, что в семейном коллективе родители руководили семьей по принципам Партии, воспитывая детей.

Так, коммунальность и коллективность играли важную роль в тоталитарном обществе, поскольку они укрепляли дух классовой солидарности и, таким образом,

способствовали распространению социализма. Под тоталитарным обществом мы понимаем то общество, в котором государственная власть влияет на все области жизни. Задачей тоталитарного общества являлся нами выше обсуждаемый контроль, проходивший через все сферы человеческой деятельности. Кроме воспитательной цели, контроль имел и цель нормализации: тоталитарное общество требовало единообразия людей, начиная от их внешнего вида до коллективной работы колхозов (Добренко 2000б, 34). Можно даже сказать, что отклонение от нормы коллективности и единообразия вызывало множество сомнений. Одиночество человека, похоже, было под запретом во всех случаях жизни.

2.3.3 Понятия «действующий субъект» и «объект общественного воспитания»

Теперь мы обратим внимание на самые важные понятия с точки зрения нашей работы. Для этого мы рассмотрим некоторые пункты Конституции СССР от 1936 года, чтобы легче было понимать поведение граждан Советского Союза в отношении к другим людям, и чтобы легче было сравнивать ситуации (что касается отношения между Конституцией и кодами поведения) советского времени с ситуациями постперестроечного времени. Кроме того, нам необходимо коснуться темы социализации, поскольку мы обсудим отношение между индивидуумом и обществом в социалистическом обществе. Далее, мы приблизимся к понятиям действующего субъекта и объекта общественного воспитания при помощи некоторых основных терминов литературоведения, то есть определяя понятие «литературный герой», «персонаж» и «архетип». Таким образом, мы можем рассматривать также проблему социальной роли индивидуума. Мы определяем понятие «действующий субъект», кратко, так, что он активен по отношению воспитания, имеет право на самоопределение, а также право принимать решение о своей судьбе (Hosiaislouma 2003, s.v. *subjekti*). Следовательно, объект пассивен в отношении воспитания, он не может сделать решение о своей судьбе.

В Конституции СССР от 1936 года отмечено, во-первых, что «Союз Советских Социалистических Республик есть *социалистическое государство* рабочих и крестьян» и «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате *свержения власти помещиков и*

капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» (статьи 1 и 2). Во-вторых, отмечается, что «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, *блюсти дисциплину труда*, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития» (статья 130) [курсив Х.Р.] (Конституция СССР 21.9.2010.) В статьях выше черным по белому написано, что граждане СССР были под властью социалистов и, поэтому, им надо было вести себя по законам СССР. Если сравнивать Конституцию 1936 года с Конституцией 1993 года, можно отметить, что в более новой Конституции отсутствует пункт о соблюдении дисциплины труда. К тому же, в 1993 году СССР уже распался, а место Советского Союза заняла Российская Федерация. (Конституция РФ 21.9.2010.)

Социализация – это процесс развития человека к полноценному членству в обществе. Социализация, бесспорно, происходит во взаимодействии с другими людьми. Обычно результат этого процесса означает то, что человек вообще может жить в обществе, даже затворником или бунтовщиком. (Antikainen 1986, 67.) Но, понятно, индивидуум не может быть соединен с своим народом сразу, а это происходит через некоторые звенья. Все начинается с семьи – это первое звено. Круг второго звена уже более широкий – это коллектив других людей, например, рабочий коллектив. Под конец, третье звено – общество, иными словами, все связи человека. (Акимова, Акимов 1989, 18-19.) Но, как мы уже знаем, никакая человеческая система не может быть вполне стабильной и, поэтому, мы можем себя спросить, какие же следствия будут в случае переворотов в семье, в трудовом коллективе, в обществе? Ведь мы уже отметили выше, что особенно дети гласности живут в противоречивой среде, с перегрузками и стрессом. Как также было отмечено выше, дети данного поколения вырастали в семьях с одним ребенком. Родители работали полный рабочий день и, таким образом, не могли уделять много внимания для детей. В результате, детям часто надо было заботиться самим о себе и их социализация была отчасти контролируема, а отчасти неконтролируема родителями. Одиночество юношества, таким образом, объясняется тем, что послевоенное поколение детей являлось первым поколением, выращенным в изменившейся семейной культуре. Этот факт заострил конфликт между разными поколениями, возникли проблемы непонимания и одиночества. (Барабан 2008, 445.)

Мы сделали такое замечание выше, что коллективизм являлся крайне важным, и что дети были воспитаны в духе коллективизма. На основе сказанного, мы полагаем, что в СССР индивидууму было почти невозможно самому устраниваться от общества. Индивидуум должен был придерживаться ожиданий коллектива и общества, потому что все отклонения от нормы считались под запретом. Коллектив, иными словами, работает благодаря сотрудничеству своих членов. А если индивидуум чувствует себя недостаточным перед ожиданиями общества? В принципе, по нашему мнению, существует и альтернатив побега из коллектива. Если человек действует активно и самостоятельно и отстывает от общества, он может стать индивидуумом, имеющим право на самоопределение. Таким образом, индивидуум может стать свободным от власти других. Другое дело, что думает человек о вопросе освобождения от этой власти.

Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», *литературный герой* – это действующее лицо в литературном произведении. Часто используют также понятие «персонаж», которое является более разграниченным понятием. Персонаж может отличаться от литературного героя по степени участия в действии. Таким образом, персонаж может быть второстепенным по отношению к герою. (ЛЭТП 2001, s.v. *герой*.) Литературный персонаж – это динамическая структура, основывающаяся на изображении его внешности, мыслей, переживаний, характера и диалога, то есть характерологических признаков. В то же время это и все его поведение, не только одни его поступки или действия, но и любое участие в сюжетном движении. (Гинзбург 1979, 89-90, 217.) Литературе требуется конфликт, который является движущим механизмом поведения литературного героя или персонажа: герой развивает, разрешает свои задачи, отклоняется от нормы, ошибается и, таким образом, вступает в противоречие с другими людьми и даже с самим собой (там же, 103-104, 132). В связи с этим, нередко в произведениях существует разделение на добро и зло. Следовательно, в конфликте отражаются ценности автора, а также разные мотивы и цели. Все эти элементы относятся к составу героя. (Там же, 131-133.)

Литературный герой или персонаж – не только единичный случай, но и единство, которое имеет расширяющуюся символику. Писатель строит своих героев с помощью этико-философских, социальных, политических, культурно-исторических

и психологических представлений о человеке. (Там же, 5.) Так, писатель типизирует образы, обобщая черты типов реального мира и для этого он берет определенные свойства и признаки, у которых есть некоторое символическое значение в мыслях читателей. К таким признакам может относиться, например, имя героя. Детали характера строят образ социальной среды. Другие подробности, выполняя символическую роль, служат разным целям в литературе. (Там же, 41, 90, 106, 109.) Этот общечеловеческий характер называется *архетип* (ЛЭТП 2001, s.v. *архетип*). Так, архетип героя дяди Федора в повестях-сказках «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» можно определить как непонятый, одинокий, но самостоятельный мальчик, бунтующий против взрослой власти. В таком смысле архетип дяди Федора похож на архетипа Пеппи Длинный Чулок (Pippi Långstrump), героини шведской писательницы Астрид Линдгрен.

Так, тип и поведение героя взаимосвязаны. Поскольку литературный герой и персонаж являются многомерными и поскольку автор выражает свою точку зрения при помощи этой многомерности, мы считаем, что читатель может подумать про себя, что автор хочет сказать с помощью героя и почему герой представлен именно таким, как он есть. Что автор хочет сказать, выявляя определенные конфликты или мотивы? Что он хочет сказать, оставляя свой рассказ открытым или игнорируя существенные факты внешнего мира? Мы считаем, что на основе этих возникающих вопросов нам необходимо рассматривать героев и персонажей произведений Успенского довольно тщательно в этой дипломной работе.

Важным понятием с точки зрения героя является также *социальная роль*. Под этим термином понимается организация поведения, которая соответствует статусу человека в обществе. Поведение человека определено требованиями и ожиданиями других людей, обладающих властью над личностью. (Гинзбург 1979, 45.) Анализируя произведения «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» мы спросим про себя: кто в них обладает высшей властью над личностью? Ребенок, родители или общество? Вопрос о власти важен также с точки зрения конфликтов, отмеченных нами выше. Мы имеем в виду ту ситуацию, когда личность не выполняет ожиданий и требований большинства людей, не следует стандарту. Тогда между социальными требованиями и личными качествами возникают несовпадения. (Там же, 46.) Для того, чтобы отклониться от нормы, нужна естественно норма – этическое

требование, связанное с представлениями об идеальном поведении. Мы обсудили тему нормы в литературе и также проблему положительного героя более подробно в главах 2.3.1 и 2.3.2.

Условия урбанизации, эпоха без войн и изменившиеся семейные отношения создавали новые образы литературного героя. В последние десятилетия Советского Союза, начиная с 1950-х годов, герои живут в среде, в которой они могут действовать. В то же время, семья становилась полем боя, через которую определялась роль ребенка в жизни: это либо потребитель, исполнитель, либо действующий субъект. Личность в семье, ребенок или родитель, представляется самобытным человеком, у которого есть право на внутреннюю жизнь. Расположение это ставит новые проблемы, что касается взаимоотношений взрослых и детей. Проблемы обличают эгоизм и становятся знаками его. Думается, что «каждый кузнец своего счастья». В ситуации конфликта между героем и средой в детской литературе послевоенных лет среда – это так называемый лжеколлектив, против которого герой может и должен бороться. Герои такого рода – герои-одиночки, которые в конечном счете не одиночки, а несут в себе начало социальности. (Акимова, Акимов 1989, 169-170, 177-178, 180, 182, 189.) Для сравнения стоит вспомнить основные принципы детской литературы. Типичной для детской книги была жизнерадостность, содержащая в себе много энергии, смеха. Герой в ней отличается силой характера, мажорностью и коллективизмом. В словесном плане отсутствуют в правильно организованной детской книге изощрения, импрессионизм. Отсутствует и психологическая игра. Эти принципы были крайне важны в моделировании детской литературы. (Там же, 210.)

Мы хотим подчеркнуть, что рассматриваем понятие «действующий субъект» сквозь понятие «литературный герой» именно из-за того, что в произведении он активен в отношении воспитания и оказывает влияние на свою судьбу и жизнь, являющийся, таким образом, субъектом действующим. Вместе с тем, объект – противоположность субъекту. Характер субъекта и объекта проявляется в действиях, совершающихся персонажами произведений «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора».

3 ДЯДЯ ФЁДОР И РОЛЬ РЕБЕНКА КАК ДЕЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

В этой главе мы анализируем более подробно повести-сказки «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» Эдуарда Успенского. Мы подчеркиваем, что рассматриваем эти произведения каждое отдельно по той причине, что вторая книга не совсем однозначно является продолжением первой, но, в то же время, «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» — произведения разные, они написаны в разное время и, поэтому они отражают общественные явления, отличающиеся друг от друга.

В анализе мы сосредоточимся на основных понятиях нарратологии. Мы отметили выше, что из-за неточности понятий сюжета и фабулы, мы решили употреблять понятие «события» вместо этих двух понятий. Характеризуя цепь событий, мы рассматриваем кратко содержание обеих книг. Как мы, однако, отметили в главе 1.3, также категории персонажей, их взаимоотношения и, далее, пространство и время действий важны с точки зрения интерпретации произведений, и, поэтому мы рассматриваем в анализе и эти понятия. Кроме того, мы рассматриваем понятия интертекстуальности и бинарности в общественном контексте. Эти категории являются важными, особенно, с позиции повести-сказки «Тётя дяди Фёдора». Интертекстуальность говорит о том, что книги Успенского, особенно продолжение первой книги, являются постмодернистскими произведениями, продуктом своего времени и, таким образом, в некоторой степени, отражением социокультурных явлений общества. В этой дипломной работе мы рассматриваем категорию интертекстуальности, в основном, с точки зрения ценностей советского человека. Что касается категории бинарности, то это мы рассматриваем с точки зрения оппозиции капиталистов и социалистов.

На основе анализа мы затем сможем сделать выводы о том, какие изменения возникли в тоталитарном обществе в сфере семейных ролей и воспитания. Поскольку последние годы СССР были нестабильные, мы рассматриваем также, как эти изменения отражались в повестях-сказках «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора».

3.1 Повести-сказки «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино»: события произведений

События книги «Дядя Фёдор» начинаются с того, как шестилетний мальчик по имени дядя Федор встречает кота. Кот этот – необычный, он умеет говорить по-человечески. Из-за того, что мать дяди Федора не разрешает держать кота, дядя Федор убегает с котом из дома. По дороге, Федор дает коту имя – Матроскин. Это имя связано с корнями кота: он происходит из морских котов. Друзья поселяются в селе Простоквашино, где встречают бродячую собаку, Шарика. Шарик, как и Матроскин, умеет говорить. Но после говорящего кота, дядю Федора уже ничто не удивляет. Читателя же уже не удивляет и то, что дядя Федор, Шарик и кот Матроскин находят клад, покупают трактор, заправляющийся картофелем и сосисками, приобретают синтетическое солнце, не говоря уже о том, что Шарик заменяет охотничье влечение с ружьем на охоту с фотоаппаратом. В конце первой книги (Дядя Фёдор, пёс и кот) Федор заболевает и, поэтому, ему приходится возвратиться домой.

Приключения друзей продолжаются во втором произведении «Тётя дяди Фёдора». Теперь в село Простоквашино приезжает тетя Федора, Тамара Семеновна Ломовая-Бамбино, полковник-пенсионер, которая решила посвятить свою жизнь воспитанию и образованию Федора. Обычай армии засели в сознании командующей тети, и, вследствие внедряющихся ею правил строгого распорядка, друзья делают все, чтобы избавиться от Тамары.

3.2 Персонажи и их взаимоотношения

В этой главе мы охарактеризуем важнейшие персонажи рассматриваемых нами повестей-сказок: дядю Федора, его родителей, кота Матроскина, Шарика, почтальона Печкина и тетю Тамару. Кроме того, мы рассмотрим кратко три персонажа, тр-тр-Митю, денщика-ординарца Иванова-оглы-Писемского и кандидата А.С. Толстова, являющихся второстепенными, как нам кажется, по отношению к другим персонажам.

Главный герой произведений «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» – шестилетний мальчик по имени дядя Федор. С первых же строк выясняется, что Федор – мальчик серьезный и самостоятельный по характеру и, поэтому получил имя *дядя* Федор. Здесь читателю становится очевидно, что Федор будет поступать как взрослый человек, поскольку этот не по годам серьезный мальчик научился читать в четыре года и в шесть уже сам себе суп варил.

Как было отмечено в главе 2.3, среди популярных тем детской литературы, начиная с 60-х годов, была тема неправильно понятых и убежавших из дома детей. В этом смысле, образ дяди Федора является характерным, обобщенным образом, поскольку у него есть общие черты характеров и героев, присущие и другим детям (ОЛ 2000, 19). В этом смысле он представляет своего рода архетип.

У дяди Федора есть мать Римма и отец Дима. Все было бы хорошо в семье, только мать его животных не любит. Вообще, мать дяди Федора изображена строгой. Это женщина, которая всегда думает о пользе:

- (1) – Ну ты вот сам подумай, какая от этого кота польза? Папа говорит: – Почему обязательно польза? Вот какая польза от этой картины на стене? – От этой картины на стене, – говорит мама, – очень большая польза. Она дырку на обоях загорживает. (ДФ, 4.)

Мать много работает и, поэтому, всегда усталая. Зато отец Федора человек мягкий. Он не утилитарист, как мама, а скорее, идеалист, обладающий чувством юмора, как видно из примера выше. Папа дяди Федора символизирует взрослого человека нового времени, понимающего, что вместо технических аппаратов сыну нужен товарищ.

- (2) – Кот – он живой. С ним и играть можно, и на улице гулять. А конструктор будет тебе за бумажкой прыгать? Или можно, например, пылесос на веревочке водить? Ему не игрушка – ему товарищ нужен. (ДФ, 20.)

Кот Матроскин изображается умным, практичным, даже хитрым. В новом коллективе, основанном дядей Федором, он, в каком-то смысле, представляет взрослого. Он даже так умен, что, по-видимому, знает много о других героях, особенно о тех, кто живет с ним в одном доме:

- (3) – Я в нашем доме всех знаю. Я на чердаке живу, и мне все видно. Кто хороший, и кто плохой. (ДФ, 3.)

Матроскин долго наблюдал сверху, с чердака, что в доме происходит, и какие люди здесь живут. У него, словно, всевидящее око. В этом смысле Матроскина можно сопоставить с всезнающим повествователем, который видит и знает все, что происходит в повествовании. Роль повествователя в повествовании мы обсуждаем более подробно в главе 3.3.

У Матроскина есть особенная способность: он научился говорить по-человечески у профессора, изучающего язык зверей. Кот гордится и своим происхождением: он ведет свои корни от морских котов. Дядя Федор же ассоциирует происхождение полосатого кота с тельняшками матросов, вследствие чего, дает коту кличку «Матроскин».

Матроскин – кот хозяйственный. Он хочет, чтобы все было максимально полезным. Зря не надо никого кормить, и зря не надо тратить деньги на ненужные товары. Иначе гороря, Матроскин утилитарист, для которого польза является ключевым словом. В этом отношении, кот Матроскин и мать дяди Федора являются подобными. Когда Федор уезжает из города в деревню, он, в каком-то смысле, бежит от утилитаризма мамы, но несмотря на это, он должен жить вместе с другом утилитаристом. Разница в том, что по отношению к Матроскину, другу, Федор может быть более критичным, чем по отношению к своей маме. В деревне столкновение идеалистов и утилитаристов продолжается, но подставляются иные персонажи, совмещаются идеализм Шарика с утилитаризмом Матроскина и прагматизмом дяди Федора.

Приехав в деревню, Федор и Матроскин встречают лохматую собаку. Выясняется, что собака тоже выучилась говорить у того же самого профессора. У собаки уже есть кличка – Шарик; это очень обыкновенная кличка непородистых собак в России. Шарик, однако, пес воспитанный, он из хорошей семьи и, хотя кот Матроскин поначалу косится на него, Шарик присоединяется к коту и мальчику. Шарик по характеру противоположность Матроскину. Он, скорее, простоват, хотя имеет хорошие намерения. Иногда Шарик, к примеру, произносит слова неправильно. Когда друзья собираются искать клад, Шарик выражает свое удивление и спрашивает, что это такое *склад*. Если Матроскин напоминает взрослого человека, то

Шарик похож на ребенка. В ходе событий, Шарик, однако, развивается и бывает даже разумнее кота:

(4) – Я не пойму, чего вы спорите. Ты же, Матроскин, собирался корову насовсем купить. Если она тебе понравится. Вот и покупай насовсем. И теленок у нас останется. (ДФ, 77.)

Из этого примера выясняется, как Шарик находит совсем простое, здоровое решение в споре между Федором и котом, тем временем, как Матроскин прикидывается наивным. Зато когда речь идет о самых важных для Матроскина делах, он ведет себя, как ребенок:

(5) – Я с моей Муркой ни за что не расстанусь, – говорит кот. – Я ее обязательно насовсем куплю. Это я просто так спорил. Потому что дядя Федор не прав. (ДФ, 77.)

В книге «Тётя дяди Фёдора» Шарик представляется более разумным, чем в первой книге. Когда тетя Тамара решает устроить всех простоквашиинцев на общественную работу, Матроскину и Шарикю дают указание направляться на реку ловить рыбу. А какова рыбалка, если идет дождь?

(6) И тут полустриженный Шарик придумал. Он вернулся и попросил Иванова-оглы ему в будке дырку сделать для головы. Потом он этот ящик на себя надел, голову в дырку просунул и пошёл на речку, как черепаха в своём собственном домике. (ДТ, 32.)

Даже Матроскин хвалит Шарика за хорошую идею:

(7) – А ты, Шарик, молодец, не пустая голова два уха! Здорово придумал. Я себе такую же будку сделаю. Будем мы с тобой по деревне как два пьяных робота ходить, боками толкаться. (Там же, 32.)

Один из важнейших персонажей произведений – почтальон Печкин. Он изображает совсем другой тип, чем человекоподобный кот Матроскин или даже родители дяди Федора. Печкин – блюститель общественного порядка. Внешне почтальон Печкин изображен бодрым и румяным. Сообщается также возраст Печкина: ему лет пятьдесят с хвостиком. Если произведение «Дядя Фёдор» было издано в 1974 году, а возраст Печкина, около 50 с небольшим лет, то год его рождения приходится приблизительно на 1922 год – год основания СССР. Печкин, несомненно, представитель советского человека, продукт социалистического воспитания. Печкин человек расторопный, однако чрезвычайно бдительный и любопытный. Он, с одной

стороны, простой и наивный, с другой стороны, хитрый. Печкину непонятно, как шестилетний мальчик живет самостоятельно, и который сообщает ему, что он ни чей, просто свой собственный мальчик. В следующем примере хорошо представлен человеческий тип Печкина – «Homo Sovieticus»:

- (8) Гражданин в шапке удивился ужасно и говорит: – Так не бывает, чтобы дети сами по себе были. Свои собственные. Дети обязательно чьи-нибудь. (ДФ,14.)

Печкин описывается как «гражданин». Это слово, наряду со словом «товарищ», являлось основной формой обращения в советское время. Как было отмечено в главе 2.3.3, согласно Конституции СССР (1936), гражданин как член государства имел права и обязанности, которые ему строго надо было соблюдать. Как полагает Ханну Мякеля, каждый гражданин СССР являлся своего рода доносчиком, скрытым милиционером, которому следовало наблюдать за другими людьми и, таким образом, поддерживать порядок (Mäkelä 2008, 195-196). Так, по поводу отмеченного, как нам кажется, между гражданами СССР обычным являлось то же самое наблюдение, как между критиками и литераторами: сверху были даны указания, по которым народ действовал и, в этом отношении, люди наблюдали даже за другими людьми.

Несмотря на то, что почтальон Печкин «обычный гражданин», «продукт советского воспитания», ему также приходится испытывать чувство одиночества в первом произведении, когда хмель начинает цвести, вследствие чего, Печкин выпивает «хмельного молока» коровы Мурки и попадет в изолятор. Хотя попадание в изолятор кажется безобидным случаем, это подтверждает то, что в СССР всякое отклонение от нормы было под запретом. А в конце концов, Печкину даже нравится сидеть в изоляторе:

- (9) Письма разносить не надо было, и кормили хорошо (ДФ, 45).

Можно даже подумать, что, как это ни странно, в изоляторе Печкин чувствует себя свободным от обязательств и ответственности повседневного труда, он свободен от социалистического общества и от его требований быть таким, как все. Может быть, и Печкин ребенок в душе. Возможно, что он, действительно, только объект социалистического воспитания и что он, на самом деле, не хочет быть средним советским человеком. Как мы отметили в подглаве 2.3.2, одиночество человека в

коллективе, а также проявление его индивидуальности, вызывали множество сомнений в советском обществе. Одиночество и разнообразие не соответствовали идеалам тоталитарного общества и поэтому необходимо было перевоспитывать и «исправлять» людей, отличающихся от других граждан.

Мы представим здесь кратко еще один персонаж, если так можно сказать, кому в книге «Дядя Фёдор» уделено больше внимания, чем во втором произведении. Речь идет о Тр-тр-Мите, тракторе, заправляющемся супом, котлетами и сосисками. История Тр-тр-Мити с простоквашинцами начинается с того, что дядя Федор хочет купить велосипед, он нужен ему самому. Но, поскольку, на велосипеде может только один человек кататься, а деревенские дороги не подходят для мотоцикла или обыкновенной машины, Федор решает купить трактор:

(10) Фёдор на почту пошёл письмо писать на завод, чтобы ему трактор выслали. Он написал такое письмо: *«Здравствуйте, уважаемые, те, кто делает тракторы! Пришлите мне, пожалуйста, трактор. Только не совсем настоящий и не совсем игрушечный. И чтоб бензина ему надо было поменьше, а ездил он побыстрее. И чтоб он был весёлый и от дождя закрытый. А деньги я вам высылаю – сто рублей. Если у вас останутся лишние, пришлите обратно. С уважением... дядя Фёдор (мальчик)».* (ДФ, 23.)

Федор скоро получит трактор, от которого будет всем много пользы. Тр-тр-Митя имеет и символическое значение, которое мы обсудим в главе 3.2.2 «Темы свободы, власти и дружбы».

Яркий персонаж в повести-сказке «Тётя дяди Фёдора» – Тамара Семеновна Ломовая-Бамбино. Это бывший полковник, двоюродная сестра матери Риммы, которая приезжает в Простоквашино и вмешивается в жизнь дяди Федора, Шарика и Матроскина. Тетя Тамара – явный представитель советского человека, как и почтальон Печкин. В отличие от Печкина, образ Тамары ассоциируется с советским героем и даже с социалистическим образом «отца». Это наблюдение важно по той причине, что теперь и в Простоквашино настала новая эпоха, время капитализма:

(11) Продавец отвечает: — У нас сейчас любые кровати есть. Хоть на колесиках, хоть с моторчиком. У нас в деревне капитализм наступил. (ДТ, 12.)

Тамара, решительная по характеру женщина. Она, так сказать, настоящий герой труда, строгая женщина, которая физически даже напоминает танк. То, что тетя Тамара бывший полковник, проявляется в книге во многих деталях: и в изображении

внешности Тамары, и в поведении, и в словах. Вообще, военная тема проходит сквозь всю книгу уже с самого ее начала:

(12) Дядя Фёдор решил вмешаться. Он подошёл к Гаврюше и спокойно так *скомандовал*: — Голос! Му-му! [курсив Х.Р.] (Там же, 9.)

Помимо военных имен существительных и глаголов (напр. «кричать командирским голосом», «скомандовать», «танки», «боевой товарищ», «спасибо третьей степени»), военная тема проявляется также в том, что у Тамары Семеновны явно социалистическая картина мира и шкала ценностей. Она высоко ценит всякий порядок в жизни:

(13) Тётя Тамара говорит: — Нельзя без них завтрак начинать. Дядя Фёдор спрашивает: — Почему? — У нас в армии так принято было. Мы всем полком за еду садились. Матроскин говорит: — А если они с Шариком на охоту пошли, на утреннюю зорьку? И вернутся только к вечеру? — Такие события заранее планировать надо, — говорит тётя Тамара. — Я думаю, что с этого дня мы все будем жить по плану. (Там же, 30.)

В этой большой семье, образ тети Тамары Семеновны приобретает богатырский масштаб. Как мы уже отметили, она — герой труда.

Еще одна деталь сообщает читателю о статусе тети — машина, черная «Волга». Машина эта обладала символом благополучия и достигнутого социального статуса:

(14) Наконец все разъехались. Печкин разъехался пешком. Тётя Тамара с Ивановым на чёрной «Волге» [--]. (Там же, 94.)

Известно, что в 70-е годы «Волги» достигли своего наивысшего престижа. Кроме того, чтобы купить «Волгу», надо было получить разрешение партийного руководства. (Волга; Символ эпохи 20.8.2010). Видно, что статус тети Тамары очень был высок.

Как и в первом произведении, так и во втором Успенский сам скудно описывает персонажи, но их характеры раскрываются в диалоге. Уже в примерах, данных выше виден героический образ Тамары. Мы предполагаем, что героизм тети сопоставляется с героизм «старшего брата»: в этом смысле тетю Тамару можно сравнивать с молодым Сталиным, еще не достигшим образа отца. Далее, на основе того, что мы уже знаем о смене поколений между отцами и сыновьями, мы считаем, что тетя Тамара не стала отцом, хотя и обладает отцовскими чертами: она, похоже,

строгая, бдительная, упрямая и, как выражаются родители дяди Федора, добрая. Она также приезжает в Простоквашино, чтобы показать «правильный путь» дяде Федору и его друзьям. Иными словами, в социальной иерархии тетя находится над другими персонажами, однако только в роли старшего брата, а не отца. Мы определяем иерархический статус Тамары по той причине, что она активный участник в повествовании, а не какое-то сверхестественное или сверхъчеловеческое существо.

Мы хотим еще кратко рассмотреть два характера повести-сказки «Тётя дяди Фёдора»: денщика-ординарца Иванова-оглы-Писемского, верного помощника тети Тамары, и соперника тети на выборах в Думу А. С. Толстова.

Мы считаем, что у Иванова-оглы-Писемского нет особенно значительной роли в произведении «Тётя дяди Фёдора». В принципе он мог бы и отсутствовать. Но роль Иванова-оглы-Писемского заключается в том, что он рассказывает замечательные истории о Тамаре и о бывших временах в армии. Таким образом он, как будто, «пишет» вслух героическую биографию Тамары. Таким образом он окунает читателя в прошедшее время и подчеркивает статус бывшего полковника:

(15) – Вот помню, наш полк отрабатывал приземление на парашютах в болотных условиях. Мы всем моторизованным полком должны были в одной лесотундре приземлиться. А где ж на тётю товарища полковника парашют взять? Она же у нас двухгабаритная. Её вертолёт еле-еле поднимает. Другой бы товарищ полковник растерялся. А наша товарищ полковник не такая. Она нашла выход. (ДТ, 53.)

Папа Дима вмешивается в разговор и спрашивает, спускалась ли тетя на веревке или на фанере. В ответ Иванов-оглы говорит:

(16) – Ничего подобного. Она в самоходку села и в ней летела до земли. Мы самоходки тоже на парашютах сбрасывали. (Там же, 53)

Денщик-ординарец, как и тетя Тамара, военный по душе. Он, похоже, предполагает, что весь мир придерживается определенных порядков:

(17) – Это неправильно, – говорит Иванов-оглы, – непорядок. В берёзовой роще должны подберёзовики расти. – Очень может быть, – согласился Печкин. – Только в нашем Простоквашине отродясь порядка не было. (Там же, 27.)

В этом примере почтальон Печкин также выражает свою точку зрения на порядок. Интересно, что во второй книге Иванов-оглы-Писемский занимает место Печкина,

что касается соблюдения порядка. Может быть, именно из-за этого, Иванов-оглы и Печкин так хорошо ладят друг с другом.

Имя Иванова-оглы-Писемского также привлекает внимание из-за частицы «оглы». Насколько нам известно, «оглы» означает 'сын' и говорит о том, что наш денщик-ординарец родом из Азербайджана или Турции. Факт этот говорит об идеалах социалистического общества: стремления к интернационализму. Политика *интернационализма* означает идеологию солидарности, основанной на общности интересов рабочего класса всех стран. Наиболее известный лозунг политики интернационализма – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». (КПС 1989, s.v. *интернационализм*.)

Кандидат А.С. Толстов – капиталист. Даже его профессия связана с промышленностью. Он соперник тети Тамары на выборах в городскую Думу и, к тому же, противоположность тети Тамары, являющейся социалистом. Когда мы обсудим бинарность в общественном контексте, мы рассмотрим более подробно, как противопоставлены капиталисты и социалисты в книге «Тётя дяди Фёдора», и как это противопоставление отражается в персонажах.

3.2.1 Мотивы одиночества, независимости, справедливости и индивидуальности

Теперь мы рассмотрим те мотивы, которые заставляют Фёдора бежать из города в деревню и заниматься там натуральным хозяйством. Мотивы, как мы отметили в теоретической части – движущие силы повествования. Они находятся в тексте на заднем плане. В нашей дипломной работе мы перечисляем такие черты характера, относящиеся к мотивам, как, одиночество, независимость, справедливость и индивидуальность Фёдора.

Дядя Фёдор по характеру серьезный и самостоятельный. Поэтому он не остается беспомощным, когда мать заставляет его принять решение между ей и котом. Хотя Фёдору только шесть лет, он умеет заботиться о себе. Ведь он в четыре года научился читать и в шесть уже сам суп себе варил. Мы предполагаем, что дядя Фёдор очень развит для своих лет из-за того, что родители его мало уделяли сыну

времени. Нам кажется, что поэтому ему приходилось быть самостоятельным и независимым от родителей. Сам большой город с его транспортом и большими расстояниями между домом и работой отнимает у родителей много времени и энергии.

Все было бы хорошо, но однажды Федор случайно встречает на лестнице³ кота. Таким образом, в жизни дяди Федора появляется друг. Обнаруживается, что кот этот бездомный и голодный. Герой наш, естественно, хочет помочь коту. Но проблема в том, что мать Федора кота не принимает. Так, дядя Федор переезжает в деревню Простоквашино, потому что хочет помочь коту. Родителей он, конечно, любит и объясняет им в письме, почему уезжает в деревню:

(18) *«Дорогие мои родители! Папа и мама! Я вас очень люблю. И зверей я очень люблю. И этого кота тоже. А вы мне не разрешаете его заводить. Велите из дома прогнать. А это неправильно. [--]»* (ДФ, 5.)

И далее, из другого письма:

(19) *«Мама и папа, я без вас очень скучаю. Особенно по вечерам. Но я вам не скажу, где я живу. А то вы меня заберёте, а Матроскин и Шарик пропадут».* (Там же, 42.)

Письмо написано очень зрело. Из этих писем выясняется, что дядя Федор уезжает, возможно, не из-за одиночества, а из-за *справедливости*. К тому же, дядя Федор, как оказывается, фактически не страдает от одиночества. Когда Федор и кот встречаются, Федор беззаботно ест бутерброд. Федор, видимо, не думает о своем одиночестве, хотя нам представляется ясным, что он одинок. Дружба кота и мальчика строится на безвозмездных началах. Так, похоже, не одиночество ребенка, а его независимость и справедливость играют главную роль по отношению к его мотивам. В этом смысле, одиночество как мотив отходит на задний план, а индивидуальная независимость и справедливое поведение – это те силы, которые заставляют Федора уехать из города. Тем более, что в деревне он становится той личностью, которой он никак не мог быть в большом городе из-за того, что в городе существуют строгие законы о нормах поведения и о том, каким является стандартный советский гражданин. В главе 2.2.2 мы уже рассматривали вопрос о нормативном поведении советского человека. Мы отметили, что коллектив был

³ Лестница в качестве пространства важна, поскольку именно этот порог является переходом из одного мира в другой (Барабан 2008, 457).

нормой, а нормативным поведением считались действия, направленные на раскрытие классового врага. Понятно, что и в деревне Простоквашино дядя Федор живет в коллективе, но коллектив этот основан на дружбе, и, в принципе, без политических регламентов:

(20) – Вот что. Чтобы я больше ничего политического в доме не слышал. Мы жители сельские, нам не до политики. Мы должны картошку выращивать и свежим воздухом дышать. (ДТ, 74.)

Дядя Федор, как видим, находится вне всяких политических споров и разногласий, возникающих во второй книге «Тётя дяди Фёдора». В обоих произведениях он разрушает законы о нормах, но, в то же время, своеобразно им следует. Он, как мы отметили в главе 3.2, прагматик. Стоит подумать, что это такое норма, как ее можно, в самом деле, определить?

В главе 2.2.2 мы отметили, что дядя Федор во многом похож на образ Пеппи Длинный Чулок. Федор, как и Пеппи, характер независимый, который, все-таки, испытывает потребность в дружбе и опоре взрослых. Как Пеппи, так и Федор бунтуют против взрослых, но тем временем, как Пеппи совсем отвергает взрослые авторитеты, Федор не может вполне их отвергнуть. У Федора все же есть чувство ответственности и, похоже, как выявляется уже в первой книге, он знает, что ему необходимо вернуться домой, так как ему надо начать учебу в школе:

(21) *«А в школу мне еще не скоро. Только на будущий год.»* (ДФ, 6.)

Пеппи Длинный Чулок ставит под сомнение конвенции и ценности мира взрослых, она является ребенком-анархистом, индивидуумом, у которого есть право на выбор. У дяди Федора также есть право на выбор, но вместе с тем, как выясняется из первой повести-сказки, он знает, каковы правила в обществе и, что ему, в конце концов, надо им, так или иначе, подчиняться. При сравнении с Пеппи, Федор дает хороший пример для жизни взрослого именно потому, что он чувствует свою ответственность. Помимо заботы о друзьях, он заботится о хозяйстве и гигиене. Благодаря своей ответственности, дядя Федор нравится жителям деревни:

(22) Так и стал дядя Федор жить в деревне. И люди в деревне его полюбили. Потому что он не бездельничал, все время делом занимался или играл. (Там же, 27.)

Нам представляется удивительным тот факт, что дядя Федор, видимо, по мнению его родителей, особенно его матери – ребенок не идеальный. Зато нам кажется, что Федя крайне идеален: он умный, умеет заботиться о себе и о друзьях, он прилежный и добрый по характеру мальчик. В обоих книгах Успенского лежит в основе противоречивость, которая проходит красной нитью сквозь обе повести. Почему? Одним из ответов может быть тот простейший факт, что книга, особенно книга для ребенка, нуждается в конфликтах. Как известно, законы драмы требуют, чтобы в литературном произведении была какая-то позитивная сила, а также противоположная ей сила, контрсила. Далее, как нам известно, дети любят читать о недисциплинированных детях, с которыми они сопереживают их приключения. Дети всегда, в какой-то степени, обращают внимание на анархическое поведение. Но, как мы считаем, детская литература не всегда требует от героя недисциплинарности, а в детской книге может существовать множество разных ролей у главных героев. Особенно сегодня, похоже, герои книг для детей представляют самые разные роли, чтобы дети выучились терпимости по отношению к другим. Так, что касается идеальности дяди Федора, то нам кажется, что он не идеальный герой в традиционном смысле слова, но и не антигерой.

Если рассматривать первую книгу «Дядя Фёдор» вместе с второй книгой «Тётя дяди Фёдора», нам даже кажется, что бунт дяди Федора является бунтом спокойным – Федор как будто не бунтует, а живет своей жизнью с друзьями в спокойной деревенской атмосфере и без политики.

3.2.2 Темы свободы, власти и дружбы

В предыдущей главе мы рассматривали мотивы произведений «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора». Теперь мы обращаем внимание на основные темы этих произведений. Как было отмечено раньше, тема – это основная идея текста. По нашему мнению, то, что автор рассматриваемых нами произведений намеревается выразить, ставить под вопрос следующие аспекты: во-первых, каким образом в повестях-сказках представлена свобода и с какой целью. Во-вторых, кто пользуется властью, и, в-третьих, какую роль играют друзья и дружба. Мы считаем, что эти три темы являются главными в обоих произведениях Успенского.

Одна из главных тем повестей-сказок Успенского – свобода. Это, в основном, свобода индивидуума от строгих правил и норм тоталитарного общества, новых веяний капитализма и, прежде всего, власти взрослых. Тема свободы видна во многом и, поэтому, мы начинаем наше обсуждение именно с символического представления свободы.

В повести-сказке «Дядя Фёдор» деревня символизирует свободу: здесь Федор хочет обосноваться со своими друзьями. Если не возможно жить в городе, то может возможно жить в деревне? Кроме того, в деревне можно кататься на велосипеде – там больше пространства. Таким образом, велосипед также является одним из символов свободы. Когда мы рассматривали персонажей произведения, мы отметили, что для счастья дяде Федору был нужен велосипед. Велосипеда ему не досталось, зато он купил трактор. Дело в том, что от велосипеда нет никакой пользы; трактор же – лучший выбор для деревенских дорог. Здесь мы отметим, что дядя Федор остается свободным, хотя и расстается с мыслью о велосипеде. Заметно, что также почтальон Печкин мечтает о велосипеде. В конце концов, Печкин получает велосипед:

(23) – Спасибо вам! Я почему нехороший был? Потому что у меня велосипеда не было. А теперь я сразу добрень начну. И какую-нибудь зверюшку заведу, чтобы жить веселей: ты домой приходишь, а она тебе радуется!.. Приезжайте в наше Простоквашино... (ДФ, 109.)

Печкин, как нам кажется, совсем меняется: он даже намеревается завести какое-нибудь животное. И разъясняет, что был плохим только потому, что у него велосипеда не было. Возможно, что Печкин, этот «Homo Sovieticus», также хочет стать свободным, кататься «туда-сюда, сюда-туда». Он, все-таки, в глубине души ребенок.

Выше мы отметили, что дядя Федор все же купил трактор вместо велосипеда. Кроме пользы, у трактора есть еще и другие назначения, связанные с символикой. Как известно, тракторы ассоциируются с деревней и сельским хозяйством. Тракторы также связаны с индустриализацией и производством. В 1939 году вышел в свет и ныне известный фильм «Трактористы». Поскольку фильм вышел именно в начале Второй мировой войны, войны «моторов», трактор символизирует технический прогресс. (Уйманов 28.9.2010.) В этом фильме звучит песня «Марш советских

танкистов». Интересно, что в повести-сказке «Тётя дяди Фёдора» также существуют темы военные, связанные не только с тракторами, но и с танками:

(24) – Вот бы мне такой танк ненадёванный! – сказал Печкин. – Зачем? – удивились все. – Почту развозить. От собак отбивается, от мафии. Да мало ли что... Где дачники в машине застрянут, так я их танком вытащу. Я такой бизнес открою по вытаскиванию. (ДТ, 49-50.)

Здесь символ свободы, как это ни странно, танк, по крайней мере для Печкина. Смешной здесь является та противоречивость, что для Печкина танк – это символ свободы, а все же танки обычно ассоциируются с армейской дисциплиной. Поскольку, однако, в Простоквашино наступило время капитализма, свобода у Печкина ассоциируется с открытием предприятия. Танк для Печкина стал бы средством для достижения свободы. Поэтому мы сопоставляем танк с велосипедом и свободой. Нам кажется, что это свидетельствует о том, что Печкин – жертва времен тоталитаризма.

Один из главных вопросов в нашей дипломной работе – кто обладает властью. В повести-сказки «Дядя Фёдор» Федор, как уже было отмечено нами выше, переезжает из города в деревню, чтобы жить независимо с друзьями. В этом новом коллективе единственным взрослым наблюдателем является почтальон Печкин, который, все-таки, не имеет власти над Федором, Матроскиным и Шариком. Он, скорее, реликт взрослого мира тоталитарного общества. Следует, однако, отметить, что в простоквашинской идиллии других отрицательных характеров нет. Чем бы тройка героев ни занимались, Печкин бывает на месте, чтобы допрашивать их, как полицейский в штатском. В следующем примере дядя Федор, Матроскин и Шарик находят в лесу клад с драгоценными камнями:

(25) Взяли они этот сундук и домой пошли. А навстречу им почтальон Печкин спешит. – Что это ты, мальчик, в сундуке несёшь? Кот Матроскин хитрый, он и говорит: – Это мы за грибами ходили. Но Печкин тоже не прост: – А сундук для чего? – Для грибов. Мы в нём грибы засаливаем. Прямо в лесу. Ясно вам? – Конечно, ясно. Чего ж тут неясного? – говорит Печкин. А самому ничего не ясно. Ведь за грибами с корзинами ходят. А тут на тебе – с сундуком! Они бы ещё с чемоданом пошли. Но всё-таки Печкин отстал. (ДФ,19.)

Друзья, особенно кот Матроскин, умеют перехитрить почтальона Печкина. Похоже, что это и есть причина того, что Печкин никак не может стать взрослым авторитетом для тройки друзей. При этом заметно, как в советское время необходимо было

немного хитрить, чтобы справляться со строгими нормами тоталитарного общества. Кстати, в примере, отмеченном нами, виден также порядочный характер Печкина – ведь это непорядок, если за грибами ходят с сундуком вместо корзины!

В первой книге вопрос о том, кто в действительности обладает властью остается нерешенным: дядя Федор едет обратно в город вместе с родителями, но, несмотря на это, собирается проводить много времени в Простоквашино.

Во второй книге «Тётя дяди Фёдора» тетя Тамара является новым персонажем, обладающим взрослой властью. В предыдущей главе мы сделали замечание о том, что детская литература из-за законов драмы всегда нуждается в силе и контрсиле. Если в первой книге Успенского контрсилой являлись родители дяди Фёдора, то во второй книге контрсила – тетя Тамара. Как бы то ни было, в обоих произведениях контрсила это – взрослый авторитет. Как уже было сказано, почтальону Печкину непонятно, что дети могут быть сами своими собственными. Мать и отец, в свою очередь, не умеют быть взрослыми авторитетами для сына. А если право на самоопределение у ребенка, как видим, исключено, то возможно, имеющим власть над Федором может стать персонаж, вроде Тамары, представляющий наивысшую дисциплину армии. Тамара тотчас решает и берется за дело:

(26) – На сегодня у нас такая программа намечена, – отвечает тётя. – Матроскина с Шариком мы бросаем в речку рыбу ловить. [--] – Папа с мамой займутся научным трудом. Я им шесть томов «Введения в педагогику» привезла. [--] Она посмотрела на дядю Фёдора: – Ты, дядя Фёдор, будешь в сарае на пианино играть по самоучителю. Пора, брат, пора! (ДТ, 31-32.)

У всех возникают возражения и неудовольствие:

(27) Возражения, конечно, были. Особенно у Шарика: он не любил рыбные дни. Да и Матроскин не особенно их любил. Он любил молочные дни и сосисочные. [--] Возражения были у мамы. Зачем ей педагогику изучать, когда у неё кот Матроскин такой педагог? (Там же, 31.)

Дядя Федор, также, был недоволен, но он все же старался сделать все, что тетя скамандует. Он, однако, досадует на то, что вместо более важных работ, ему надо заниматься чем-то менее важным:

(28) Дядя Фёдор не был особенно рад. Вместо того, чтобы делом заниматься – дрова на тр-тр Мите из леса возить, зима же на носу, – он как-то кривобоко чижика-пыжика играл. (Там же, 38.)

Удивительно, что мальчик этот сознает свою ответственность лучше, чем взрослые. Дядя Федор, похоже, более развит, чем его родители и тетя Тамара. Возможно, он более готов иметь власть над собой?

В конце концов, дядя Федор с Шариком и Матроскиным оставляет Простоквашино, чтобы поселиться в близлежащей деревне. Федор, в какой-то степени, сохраняет свою независимость и право на самоопределение. Но на основе того, что мы читали, мы считаем, что дядя Федор даже не думает о вопросе власти, как и не думает о своем одиночестве в городе. Он просто хочет жить спокойно с друзьями, на природе, заниматься натуральным хозяйством. Федор, Шарик и Матроскин получают со своей земли картофель, морковь; из леса грибы и дрова. Нам кажется, что важнее вопроса власти для дяди Федора настоящие друзья. Мы отметили раньше, что дядя Федор уезжает из города, видимо, потому что хочет помочь другу, жить с друзьями. Он не стремится скрасить свое одиночество, не специально ищет друзей. В новом простоквашинском коллективе дядя Федор является равноправным с животными: в отношениях дяди Федора, кота и собаки нет иерархии на шкале «хозяин – домашнее животное». Федор не подчиняется своим друзьям. Когда друзья сталкиваются с финансовыми проблемами и кот Матроскин даже предлагает, чтобы Шарика продать, дядя Федор вмешивается:

(29) – Никого мы продавать не будем. Мы пойдём клад искать. (ДФ, 16.)

Теперь как кот Матроскин, так и пес Шарик равноправны, они друзья дяди Федора. В этом отношении, дядя Федор представляется нам героем философским: он добрый к другим и, возможно, также другие будут добры к нему. Что важнее в жизни, чем дружба?

3.2.3 Бинарность в общественном контексте

Мы отметили в теоретической части нашей работы, что литературе свойственно отражать явления внешнего мира. Теперь мы рассмотрим более подробно основные проявления этих явлений. Дело в том, что тексты первой и второй книги отражают особенности позднесоветской общественности. Мы отметили, что герои разделяются на идеалистов, утилитаристов и прагматиков. Хотя тема эта присутствует в повести-

сказке «Дядя Фёдор», она, все-таки, остается на заднем плане. События первой книги можно понимать так, что уход из города, из центра на периферию, и поселение в заброшенную деревню, это все связано с ощущением общности как структуры фальшивой. Так была достигнута точка насыщения по отношению к социалистическому обществу и насильственной идеологии. При этом, внешний мир как будто игнорировался, и вместо тем общественных, к главным темам первого произведения относится, к примеру, дружба. Хорошим примером идеальной дружбы является то, как коллектив простоквашинцев старается сделать все, чтобы Шарик не тосковал без охоты:

(30) А Шарик на крыльце стоит, и слёзы у него из глаз катятся. Дядя Фёдор говорит: – Ладно, не плачь. Я придумал, что с тобой делать. Мы тебе фотоаппарат купим. Будешь ты фотоохотой заниматься. Будешь зверей фотографировать и фотографии в разные журналы посылать. Наверное, это и в самом деле лучший выход был. С одной стороны, это всё-таки охота. А с другой – никаких зверей стрелять не приходится. (ДФ, 72.)

В сравнении с первой книгой, мир второй книги бинарен. Теперь друзья находятся в новой ситуации, а значит, им надо быть заодно друг с другом, хотя новые обстоятельства вызывают споры между Матроскиным и Шариком уже с самого начала второй книги. Однако, вначале споры являются, скорее, безобидными, как, например, у братьев и сестер. В следующем примере Шарик дрессирует быка Гаврюшу, из чего следует, что Матроскин думает, что Шарик стремится завладеть теленком:

(31) – Вот что, Матроскин, ты заведи себе своего телёнка собственного и дрессируй по-своему. А это мой Гаврюша. Матроскин от удивления аж остолбенел на две минуты. [--] Потом как закричит: – Как это твой, когда это мы его вместе с Муркой рожали! Да я из-за него столько ночей не спал. Да я его из соски молоком поил! (ДТ, 6.)

Матроскин и Шарик даже начинают толкать друг друга, пока дядя Федор не приходит и не умирят ситуацию. В примере выше мы уже замечаем, что злободневный вопрос второй книги – противопоставление социализма и капитализма. Так, по сравнению с первой книгой, в книге «Тётя дяди Фёдора» с первых же страниц значительно больше резкой общественной критики. Если в первой книге основная проблема непонимание между разными поколениями, родителями и детьми, то во второй основная проблема касается тем общественных, бинарной оппозиции «капитализм – социализм». Бинарность видна и в персонажах.

Разделение является крайне резким, разные точки зрения порождают разногласия между персонажами. Тетя Тамара представляется явным социалистом. Противоположность тети – депутат А.С.Толстов, представляющийся как капиталист. Когда тетю выдвигают в городскую Думу, ей, естественно, предстоит выступать перед избирателями. Предвыборная кампания движется вперед следующим образом:

(32) Кандидаты начали перед избирателями выступать. Первой была тётя Тамара. Она так заговорила: – Дорогие односельчане, мы с вами ясно понимаем: чем богаче страна, тем богаче мы. Поэтому лишние деньги надо отдавать государству. Чем больше налогов с нас берут, тем лучше. [--] Она даст нам бесплатные поликлиники, бесплатные школы. [--] (Там же, 69.)

Соперник Тамары Толстов возражает и защищает свои позиции:

(33) – Дорогие односельчане! Ничего не надо отдавать государству. Всё надо оставлять себе. Не бывает лишних рублей! Чем богаче мы, тем богаче страна. А когда мы богаты, нам не нужно бесплатных поликлиник, мы в платные пойдём. (Там же, 69.)

Простоквашицы, как бы, находятся между двумя огнями. Депутаты поняли, что с помощью политической пропаганды легко влиять на мнения людей. Поскольку в обществе всегда есть бедные и богатые, и они всегда будут защищать свои интересы, невозможно избежать разных точек зрения. Теперь, когда уже нет одного правильного пути, разногласия разрушают идиллию деревни. Даже Матроскин и Шарик начинают спорить:

(34) Матроскин отвечает: – И я домой пойду. Только он больше прав. Он за тех заступается, кто много работает и много хочет иметь. Он за таких, как я. – А она за таких, как я! – кричит Шарик. – Потому что ты корову имеешь и телёнка. А я ничего не имею. Мне только на государство надеяться надо. – Знаешь, ты кто такой? – говорит Матроскин. – Ты – «пролетарий всех стран, соединяйтесь». (Там же, 70.)

Спор между котом и псом заходит, в этот раз, так далеко, что они даже отделяют свои половины дома. Они также начинают бойкот – ни тот, ни другой ничего другому не говорит. Они общаются друг с другом только телеграммами. Поскольку речь идет о споре, телеграммы эти посылаются с уголками и утюгами. Почтальон Печкин, естественно, эксплуатирует ситуацию, как «настоящий» социалистический герой труда. Ситуация напоминает холодную войну между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Основной проблемой холодной войны, как известно, являлась идеологии капитализма и коммунизма. В ссоре между Матроскиным и

Шариком причиной «войны» являются разные точки зрения. Матроскин сопоставляется с США, он выбирает сторону капитализма, тогда как Шарик остается социалистом и сопоставляется с СССР. Поскольку холодная война не совершалась в виде боевых действий, а с помощью пропаганды, искусства, дипломатии и шпионства, косвенный намек на холодную войну, по нашему мнению, бесспорен:

(35) – Эй, – спрашивает кот, – что это? Что это за народное творчество на моей печке? – Это индейская национальная изба, – ехидно отвечает Шарик, – «фигвам» называется. (Там же, 74.)

Во-первых, искусство является хорошим средством посредничества своих мнений как о политике, так и о других явлениях жизни. Во-вторых, Шарик хитро играет со словами. Индейский национальный шалаш, в действительности, называется «вигвамом», а «фигвам» можно понять как ругань (фиг вам, фиг с вами и т.д.). Нам кажется, что это не только юмор писателя и смех над политикой, а это также резкое выражение мнения о том, как легко заставить друзей стать кровными врагами. К тому же, в примере, приведенном выше, видно развитие Шарика, если сравнить его характер с Шариком первой книги: здесь он представлен намного хитрее.

Нам кажется, что Тамара Семеновна старается делать все, что может, чтобы бороться против капитализма и сохранить социалистическое общество. Действия Тамары направлены на коллективизацию сельского хозяйства в деревни Простоквашино:

(36) Тётя Тамара Семёновна лежала на своей двуспальной кровати и думала: «Как хорошо, что я сюда приехала. Через эту деревню я начну всё сельское хозяйство страны поднимать. Скоро миллионы тракторов забороздят пространство полей. Важно только людей хорошо зажечь». (Там же, 25.)

Тамара Семеновна, похоже, живет в другом времени. Коллективизация деревень проводилась Сталиным в СССР в конце 20-х годов XX века, чтобы обеспечить достаточное производство питания городским людям и бороться против кулачества (Россия 2002, 320).

Тетя Тамара эксплуатирует силу коллектива и нацеливает всех, как ракеты, на определенное исполнение заданной ею цели. Коллектив простоквашинецов теперь уже не такой, как в давнее время, до приезда тети Тамары, теперь это, скорее,

большая семья, в которой личное приносится в жертву общественному. Кроме коллективизма и нацеливания, тетя стремится к закаливанию простоквашинцев:

(37) – Подъём у нас будет в семь, – говорила тётя Тамара. – Это поздновато, но для зимнего времени хорошо. После этого бег босиком по снегу полкилометра. От этого полезность идёт невероятная. Потом завтрак. Потом общественная работа. Потом...(ДТ, 31.)

Как ни странно, сама тетя не действует сообразно своей доктрине:

(38) Вечером папа с мамой на народно-целебную прогулку пошли. Их тётя Тамара научила босиком по снегу ходить. Это жутко полезно для здоровья. Сама она не ходила. Она себе пятки отморозила. Но другим очень рекомендовала. (Там же, 90.)

Как мы отметили в главе 2.2.2, дисциплина в социалистическом обществе считалась прогрессивной. Также Тамара заставляет всех членов коллектива вставать рано утром, заниматься экстремистским спортом и работать во имя общего блага. Далее, почтальон Печкин проводит беглый осмотр того, что было сделано участниками труда:

(39) – Уважаемые, сообщите, какие у вас успехи за текущий период? – За текущий период у нас очень большие успехи, – говорит папа. – Телёнок Гаврюша один том «Педагогике» съел. Мы уронили нечаянно. Теперь умнее в десять раз будет. Печкин и это записал в книжечку и к дяде Фёдору обратился. (Там же, 35-36.)

Когда Печкин сообщает тете Тамаре о плохих результатах общественной работы, Тамара испытывает небольшое потрясение, но никого не наказывает. В произведении события вторят советской реальности: плохо с работой справляющийся получил не прямое наказание, а запись в записную книгу.

Мы отметили выше, что во второй книге в Простоквашино началась рыночная экономика. Смешным является замечание Матроскина о том, что хотя «капитализм наступил», ничего не изменилось. Все как раньше:

(40) – Какой-то странный у вас капитализм наступил, – говорит Матроскин. – И кровати у вас завались, и кнопки есть, а дядя Вася всё так же на себе тяжести таскает, как при развитии социализме. (Там же, 12.)

Матроскин говорит вслух то, что все в действительности знают, но молчат: политика перестройки закончилась неудачей. Товары в магазинах продавались, а покупать было нечем, все приходилось делать своими руками. Успенский, как нам кажется,

пародирует и социализм и капитализм, противопоставляя их. Писатель старается показать, что экстремальные идеи оказываются, в конечном счете, одна хуже другой. Как мы объяснили в главе 2.2.1, плановая экономика привела страну к тому, что в магазинах не хватало необходимых вещей и провиантов, а в то же время, какие-то другие товары производили. Нам кажется, что перестроечное время отражается в произведении «Тётя дяди Фёдора». В магазине множество кроватей, а в продовольственных магазинах еды нет.

(41) – Продолжаем последние известия. Новости с полей. На полях ничего нового. Всё уже убрали: и картошку, и кукурузу, и свёклу, и помидоры, и арбузы, и...бананы и...студентов. (Там же, 29.)

Как известно, неожиданные условия периода перехода заставили народ искать самые крайние меры и даже прибегать к криминальным действиям. Другой пример коснется того же вопроса:

(42) Тут Печкин возмутился: – Что вас куда-то выдвинули без ведома – это пустяки. А то, что почта без двери осталась, – это понастоящему ужасно! Там одних конвертов рубля на четыре лежит. А клей канцелярский! А скрепки! (Там же, 60.)

Нас удивило большое количество намеков на политику и общественная критика в детской книге. Иногда даже кажется, что повести-сказки Успенского, особенно «Тётя дяди Фёдора», направлены взрослому читателю.

В конце концов Федор, Матроскин и Шарик идут по собственному пути. Они принимают решение переехать в другую деревню, когда Тамару выбирают на должность мэра нового города Простоквашиинска.

3.2.4 Интертекстуальность

Мы живем в постмодернистском мире. В связи с этим, как мы отметили в теоретической части, литературные тексты насыщены ссылками на другие тексты или на известных всем героев. С помощью интертекстуальности автор может выявлять свою картину мира. Интертекстуальность как литературный прием может также открывать характеры персонажей произведений. Поскольку

интертекстуальность имеет значительную роль в литературе, мы посвящаем эту главу этой теме.

Так, мир советских ценностей произведения может отражаться, например, в том, что в нем есть упоминания отечественных героев. В книге «Тётя дяди Фёдора» такие намеки есть; один из намеков связан с тем, что Шарик строит картонный домик для себя с помощью клея. Когда Шарик ложится спать, стены и полы домика приклеиваются к нему. Печкин пугается обклеенного Шарика:

(43) Но остановиться не может. Его рефлекс подгоняет. Наконец они до речки добежали. Печкин, как *Чапаев*, с сумкой в руке через речку поплыл, а Шарик остыл. Он кричит: – Печкин, Печкин, это я – Шарик! [курсив Х.Р.] (ДТ, 17.)

Чапаев был, как нам известно, командир красной армии. В.И.Чапаев являлся советским и сталинским героем, но, одновременно, героем анекдотов. Согласно легенде, Чапаев погиб, когда старался переплыть через реку Урал (Иванов 1.8.2010).

Другие намеки на героев советского времени – академик Павлов и биолог Мичурин:

(44) [--] – Скажи мне, Шарик, когда ты в последний раз читал труды академика Павлова? [--] – Или ты, Матроскин, – говорит тётя Тамара, – как часто ты заглядываешь в книги товарища Мичурина? Это был садовод такой прогрессивный. Мне в армии про него много рассказывали. Особенно про его трагическую гибель. – А как трагически погиб товарищ Мичурин? – спросил бывший ординарец Иванов-оглы. – Упал с выращенной им клубники... Или с огурца. (Там же, 47-48.)

Ссылки на отмеченных героев являются в некоторой степени ироническими. Академик Павлов, действительно, был возведен Сталиным в герои. Смешное здесь то, что Павлов сам был против коммунизма и он открыто говорил об этом (ЕВ 1.8.2010, s.v. *Ivan Petrovich Pavlov*). Биолог Мичурин, в свою очередь, был также в реальности автор многих плодово-ягодных сортов (там же, s.v. *Ivan Vladimirovich Michurin*). Успенский опять играет с читателем тем, что Мичурин, по сей день, живет в анекдотах, как и выше отмеченный Чапаев. Мы нашли анекдоты о Мичурине, подобные тексту Успенского: «Как погиб Мичурин? Полез на тополь за укропом, там его арбузами и завалило.» (Мичурин 1.8.2010.) Мичурин, как известно, занимался именно плодово-ягодными гибридами и скрещивал разные сорта фруктовых деревьев, ягод и прочих плодов.

Кроме намеков на советских героев, в повестях-сказках «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» существуют и намеки на народное творчество или произведения других известных писателей. Когда простоквашинцы стараются познакомить тетю Тамару с профессором Семиным, они пишут за нее письмо:

(45) «Уважаемый профессор! Какая хорошая погода стоит в Простоквашине! Одна таинственная женщина любит гулять около речки с собачкой ближе к вечеру. Это одинокая незнакомка средних лет с хорошим знанием жизни. Закачайтесь». (Там же, 40.)

Взрослому читателю ясно, что намекается на произведение «Дама с собачкой» Чехова.

О том, что Тамара Семеновна человек военный, да к тому же социалист, говорит следующая песня, которую поет сама тетя:

*(46) – Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны...
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой родины сыны... (Там же, 75.)*

Песня эта называется «Марш танкистов». Тамара, по всей вероятности, уверена в успехе, что касается ее стремлений сохранить социалистический коллектив.

Важным намеком, с точки зрения нашей работы, является отрывок из поэмы Некрасова:

(47) Печкин с печки кричит: – Это что-то вроде шофёра. Есть ещё такие стихи замечательные: «Стой, денщик, жара несносная. Дальше ехать не могу». Мы в школе учили. (Там же, 19.)

Отрывок этот – из песни Еремушки Некрасова, который в своих стихах выражал любовь к простому человеку и народу, он ставил на важное место гражданские интересы и считал, что литература должна воспитывать общество в гражданском духе. Кроме того, поэт был сторонником реализма и народности. (РПОЛ 1955, 117-118.) Возможно, что из-за своих тем поэт был вдохновителем литературы социалистического реализма. Это важно, с одной стороны, для знания социалистических ценностей, отражающихся в произведениях Успенского, а, с другой стороны, для того, чтобы выяснить, каким действительно является его герой Печкин. Мы уже раньше предполагали, что Печкин, похоже, объект общественного

воспитания и что он, возможно, не хотел бы быть «Homo Sovieticus». Выше мы пришли к такому выводу, что Печкин родился приблизительно в 1922 году, вследствие чего, он был школьником во время основания советской ценностной системы. Таким образом, критичность Печкина была подавлена уже с самого раннего детства. Факт этот, по нашему мнению, подтверждает наши итоги об объекте общественного воспитания в рамках социализма.

3.3 Повествователь и стилистические особенности

Одно из важнейших решений при анализе произведения – найти ответ на вопрос: кто говорит, кто повествователь? Ведь повествование основной предмет изображения. Когда мы обсудили основные термины нашей работы, мы различили понятия повествователь и рассказчик. Мы также отметили, что в рамках нашей работы наиболее интересным является всеведущий повествователь, который знает все обо всех и знает также мысли и чувства героев произведения. В повестях-сказках «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» тот, кто сообщает о событиях и поступках персонажей, является таким именно всезнающим повествователем.

Как мы уже отметили в главе 3.2, в первом произведении один из главных героев, кот Матроскин, сопоставляется с всезнающим повествователем, поскольку он знает удивительно много о других героях. Матроскин, однако, исключен из возможных повествователей в книге «Дядя Фёдор», потому что повествование ведется от третьего лица. Это значит, что никто из героев произведения не может быть повествователем по той причине, что повествователь не принимает участия в сюжетном действии. Ситуация та же самая во второй книге. Возможно, что выбор Успенского писать повествование от третьего лица в обоих произведениях даже защитило автора, поскольку он довольно явно критикует принципы воспитания, бюрократию СССР, развитие социализма и капитализма и т.д.

Важно, однако, отметить, что в произведениях более значительная роль принадлежит типичному для Успенского диалогу, через который, фактически проявляется его точка зрения на общественные явления, вследствие чего, и вся

критика. Может быть, диалог в повестях-сказках играет роль критики, а нарратив критику смягчает:

(48) У одних родителей мальчик был. Звали его дядя Фёдор. Потому что он был очень серьезный и самостоятельный. Он в четыре года читать научился, а в шесть уже сам себе суп варил. В общем, он был очень хороший мальчик. И родители были хорошие – папа и мама. (ДФ, 3.)

В конце примера мы видим, как повествователь предвосхищает события и отмечает, что родители были хорошие, несмотря на то, что в произведении потом выясняется их беспомощность перед самостоятельным сыном. Они желают сыну только добра, но средства для достижения добра являются устаревшими. В повестях-сказках Успенский, как нам кажется, нарушает ведущие принципы метода социалистического реализма, критикуя вышеупомянутые нами факты. Но в то же время, он и следует правилам, поскольку он показал действительность социалистического общества с его недостатками. Действительность не всегда соответствовала идеям социализма.

Далее, в примере (48) можно заметить, какой стиль повествователь использует в нарративе. Когда говорит повествователь, он говорит прямо, фактами. Таким образом, он быстро двигается, вперед к событиям. Повествователь верит в диалог и в образы произведения и в то, что непосредственная коммуникация между героями раскрывает читателю их характеры. Все происходит, как в детском мире: быстро, динамично и прямо. С помощью такого диалогического рассказа читатель может поставить себя в положение ребенка. Здесь образ дяди Федора в повестях-сказках «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора» можно опять сопоставить с образом Пеппи Длинный Чулок, показавшим, что ребенок развивается счастливо, когда родители и преподаватели поддерживают его, а в своих поступках ребенок сам принимает решения. Как нам кажется, такой отказ от взрослого авторитета не мог быть принят советскими педагогами.

Заметно, что текст писателя смешит как детей, так и взрослых. Типично, что Успенский играет со словами (см. пример 35):

(49) Тётя из кабины вышла, всех осмотрела и говорит: – Здравствуйте. Вот вы какие. А кто из вас будет почтальон Свечкин? Печкин вышел вперед: – Это я. Только не Свечкин, а Печкин. – Очень хорошо, очень хорошо! – говорит тётя. –

Не обижайтесь. *Свечкин, Печкин, Огуречкин*, лишь бы вышел *человечкин* – вот что главное. [курсив Х.Р.] (ДТ, 21.)

Иногда, однако, кажется, что анекдоты совсем не адресованы детям, а только взрослому читателю. Так дело обстоит с резкой критикой, обсуждаемой нами выше. Поскольку Успенский, все же, писатель детских книг, он умеет строить анекдоты таким образом, чтобы все читатели могли наслаждаться его юмором:

(50) – Это гуманитарная помощь, – говорит Матроскин. – Её сейчас прямо в руки передают, без посредников. Это питание для собак и кошек «Вискас» и «Собакискас». Печкин подумал: «Вот как о собаках и кошках беспокоиться стали. А о почтальонах не думают. Жалко, что я не собака и не кошка. Пожалуй, и я себе котёнка заведу, пусть ему гуманитарную помощь присылают». (Там же, 14.)

Во-первых, взрослый читатель, наверно, знает, что период после распада СССР был тяжелым. Экономическая система была нарушена и, вследствие этого, народ оказался невиданно бедным. Во-вторых, детского читателя, вероятно, забавляет анекдот о названиях корма для собак и кошек. Ведь «Вискас» существует и в действительности, а «Собакискас» — только выдумка писателя.

Именно из-за многослойности текста Успенского, в книгах как бы существуют два измерения и две функции: чистая развлекательность, и критика против общественных явлений, против глупости людей и, следовательно, иронии и пародии. В примере выше автор явно пародирует то, что при бедности людей, иногда даже казалось, что о животных беспокоились больше, чем о народе. Кроме того, гуманитарная помощь, как мы считаем, напоминает пачки с кормом для собаки Успенского из его детства (см. глава 2.1). Стилистические средства иронии и пародии присутствуют, прежде всего, во второй книге. Нам кажется, что из-за резких изменений в обществе, из-за политики гласности и распада СССР, Успенскому было легче писать более радикально в произведении «Тётя дяди Фёдора», чем в первой книге.

Характерно для автора также писать о вещах, понимаемых людьми как табу. В обеих книгах, рассматриваемыми нами, существует много табу, но, опять, больше во втором произведении. Запрещенные темы касаются, естественно, политики, но и, например, состояния опьянения, свободы от политизированного общества или детского самоопределения:

(51) Пока *запойный* Косолапченко провода от почты по деревьям тащил, ученик Савельев всё телефонный аппарат протирал. Хорошо протёр. И всё глазами зыркал. Смотрит, сидит на подоконнике невиданной красоты иноземная птица. [--] «Вот это да! – подумал ученик Савельев. – Да за такую птицу на нашем колхозном рынке *можно сразу тысячу рублей получить*». [курсив Х.Р.] (Там же, 65.)

Пример говорит о тяжести посттоталитарного времени и о том, что экстремальные условия заставили людей заниматься преступностью. Ученик Савельев тоже осматривается, замечает особенную птицу и думает о воровстве между тем, как другой телефонист, Косолапченко – пьянствует. Удивительно то, что в книге рассказывается так прямо о пьянстве – жизненном факте, о котором обычно речь не идет в детской литературе. По нашему мнению, однако, хорошо, что и детям рассказывают о неприятных вещах и фактах жизни. Что толку в том, что дети развиваются в сказочной стране счастья?

Второй пример из первой книги касается того же самого вопроса. Дело в том, что корова Мурка объелась хмелем и, поэтому, те, кто пьют молоко, пьянеют:

(52) Пошёл Матроскин её доить. Через пять минут выходит, а с ним что-то странное сделалось. Матроска него спереди как фартук надета, а подойник на голове как каска. И поёт он что-то несуразное:

Я – моряк,
 Гуляю на просторе,
 День за днём,
 С волны и на волну!

Очевидно, он молока попробовал весёлого. (ДФ, 37.)

Описание состояния опьянения сделано не серьезно, а с юмором. Успенский увлекательно рассказывает и о мире взрослых.

Описание персонажей совершается либо посредством диалога, либо с помощью повествователя. В следующих примерах из книги «Тётя дяди Фёдора» другие персонажи описывают тетю Тамару:

(53) «Она такая добрая и очень толстая, как две. [--] Она такой работник прекрасный – за тридцать лет ни разу в отпуске не была.» (ДТ, 10.)

И далее:

(54) «Она – военная пенсионерка. Закончила службу в армии в звании полковника. Строга и выдержанна. Имеет колоссальный опыт хозяйственной работы. Уверена в себе, как танк.» (Там же, 57.)

И в следующем примере повествователь участвует в описании:

(55) Тамара Семёновна *строго, по-военному* ответила: – Никак нет. [курсив Х.Р.] (Там же, 46.)

Повествователь не выражает прямо, что тетя строгая или выдержанная. То же самое с качеством «упрямый»: повествователь изображает, как Тамара добивается своего и, несмотря на трудности, для нее устанавливают телефон.

3.4 Пространство и время действия

В книге «Дядя Фёдор» дядя Федор поселяется в деревне Простоквашино, где приключения друзей продолжаются и в книге «Тётя дяди Фёдора». Точное расположение деревни не вполне ясно читателю, но потом выясняется, что Простоквашино расположено в Можайском районе:

(56) «До свиданья. Почтальон деревни Простоквашино, Можайского района, Печкин». (ДФ, 86.)

Нам представляется бесспорным, что деревня Простоквашино – деревня, придуманная Успенским. Однако, Можайский район находится в Московской области и действительно существует. Административным центром этого района является город Можайск. В официальном вебсайте Можайского муниципального района говорится, что район считается одним из красивейших в Московской области. Можайский район гордится своей историей и Можайским морем. Берега Можайского моря – живописные с хвойными лесами. (О районе 22.2.2010.) Река Москва также начинается в административном центре района, городе Можайске (Туризм, 22.2.2010). Место является отличным для активного отдыха и пользуется большой популярностью среди туристов из Москвы и других районов (О районе, 22.2.2010).

Деревня Простоквашино также изображена красивой, с лесом и полями. Кроме того, недалеко от деревни течет река. Возможно, автор-повествователь выбрал место

действия своей повести в Подмоскowie, на берегу реки Москва, где находится и город Можайск. В повести-сказке «Тётя дяди Фёдора» есть намек на расположение деревни, когда кандидаты в городскую Думу собираются, чтобы привлечь участников голосования на свою сторону:

(57) В клубе села Троицкое было не продохнуть. Всё местное население собралось. Так интересно с кандидатами раз в жизни встретиться и сразу обо всём поговорить. (ДТ, 68.)

Насколько нам известно, Троицкое – обычное название населенных пунктов в России. На основе первой книги мы расположили деревню Простоквашино в Московской области. В той же самой области находится и село Троицкое, в Клинском районе. Мы выяснили, что в Клинском районе множество промышленных предприятий, в том числе предприятий, относящихся к бытовой химической промышленности (Промышленность 30.7.2010). Также контркандидат Тамары А.С. Толстов имеет связи с химической промышленностью:

(58) «Господин Толстов А.С. – президент объединения «МННГ» («Мыло-Нефть-Нафталин-Гуталин»). Образование высшее техническое, правительственных наград не имеет». (Там же, 60.)

Успенский, соответственно своему стилю, подшучивает над серьезными делами. Сокращение «МННГ» существует и в действительности, но означает канцерогенное вещество, при помощи которого делаются опыты на животных (IARC 30.7.2010). Если Успенский добавил это сокращение сознательно, то тогда это означает, что кандидат А.С. Толстов, обязательно, стоит за опыты на животных. Нам кажется, что любящий животных Успенский, вероятно, против этих тестов. Но более ясно то, что Толстов является настоящим капиталистом уже по своей профессии и по своим обязанностям.

Мы отметили в главе 3.2.2, что деревня символизирует свободу. Помимо описания свободы, через описание деревни и ее окрестностей видны последствия коллективизации и политики «неперспективных деревень»⁴ (Карпунина 17.3.2010). Везде, похоже, были заброшенные дома и огороды. Когда дядя Федор встречает

---

⁴ В 1960-1980-е годы сельское население было расселено в сравнительно крупных поселках, чтобы централизовать сельское хозяйство. В программе заключалась ликвидация мелких, так называемых «неперспективных» деревень. (Карпунина 17.3.2010.)

неизвестного старика, он у него спрашивает, есть ли в деревне лишний пустой домик. И старик отвечает:

(59) – Да сколько хочешь! У нас за рекой новый дом построили, пятиэтажный, как в городе. Так полдеревни туда переехало. А свои дома оставили. И огороды. И даже кур кое-где. Выбирай себе любой и живи. (ДФ, 8.)

В то же время, как Простоквашино представлено колхозной деревней, оно, все-таки остается деревней идиллической; этот факт видно уже из иллюстраций – вокруг много леса, воды: окружение, идиллическое для развития ребенка. Кроме того, дом дяди Федора окружают и соседские дома, симпатичный сад и огород.

Идиллия Простоквашино связана также с условиями «внешнего мира», мира взрослых, мира города. Дело в том, что в городе существуют дисциплина и законы, а в деревне свобода. Несмотря на то, что в деревне дядя Федор является мальчиком свободным, он знает, что за свободой следует и ответственность. Это значит, что человек, свободный от строгих взрослых авторитетов, на самом деле трудится прилежнее, поскольку в условиях свободы ему надо нести полную ответственность как за себя, так и за других.

Когда мы обсуждали проблему утилитаризма и идеализма в главе «Персонажи и их взаимоотношения», мы отметили, что Матроскин, Шарик и дядя Федор все являются носителями разных картин мира – Матроскин думает о пользе, в то же время, как Шарик – идеалист. Что касается дяди Федора, то он прагматик, он идет по среднему золотому пути. Поскольку Простоквашино коллектив, жизнь друзей основывается на умении жить в этом коллективе, дружить, заботиться друг о друге и достигать компромисса. Хотя в Простоквашино Федор может быть такой личностью, какой он не мог быть в городе, коллектив простоквашинцев не является коллективом индивидуалистов или, эгоистов. Автор произведения нарушает нормы, но все-таки следует правилам соцреалистического канона, показывая, что индивидуум нуждается в свободе, но, в то же время, он может жить в обществе, однако, не так, как говорил Ленин.

Поскольку, особенно в произведении «Дядя Фёдор», довольно ярко представлены отличия города от деревни, здесь оправдано коснуться этой темы немного глубже. Чем отличается большой город от маленькой деревни?

Как правило, в большом городе человек как бы исчезает в массе и теряет свою личность из-за большого количества людей. Человек, который живет в городе, должен заботиться только о себе. В деревне, напротив, все жители обычно как-то знакомы друг с другом – каждый знает, кто чем занимается и как живет. Далее, в городе у жителей гораздо больше дела, все кипит вокруг и людям некогда даже думать о своем ближнем. В связи с этим, в мелкой провинциальной жизни, среди знакомых людей труднее оставаться одиноким. (Этикет 1999, 38, 41-43.) Мы предполагаем, что хотя жители советского города, обычно, проживали в коммуналках вместе с другими семьями, жизнь в большом городе являлась более одинокой, чем деревенская жизнь. Нельзя забывать об изменениях в обществе и семейной жизни. В городе человеку необходимо, как правило, много работать, чтобы обеспечить свое существование. Расстояния значительные, и много времени идет на проезд. Но не только из-за расстояний времени не хватает для близких. Мы думаем, что в городе всегда больше возбудителей и, поэтому, может быть, трудно разделять свое время с другими людьми. Возможно, что даже воспитание детей труднее в городе, чем в деревне?

Довольно легко определить время событий в обоих произведениях. В первой книге изображение деревни Простоквашино – бывшей колхозной деревни, дает намек о времени повествования. На основе этого факта, однако, возможно лишь сказать, что действие происходит в советское время. Но даются также другие намеки. Мать и отец дяди Федора говорят о таких технических аппаратах, которые существовали в СССР только примерно с 1950-х годов. К таким аппаратам относятся, например, пылесос и конструктор. Кроме того, в первоначальных иллюстрациях произведения изображен телевизор, который напоминает телевизоры 60-х годов. Следует также не забывать, что повесть-сказка была издана в 1974 году. Далее, поскольку диалог играет важную роль в повествовании, это один из важнейших факторов при анализе времени повествования. Уже с первых страниц произведения догадливый читатель может прийти к выводу, что повествование происходит именно в 60-е или 70-е годы. В подглаве 3.2 мы говорили о родителях дяди Федора, оказывающихся беспомощными перед одиночеством сына. Читатель, знающий об общественных обстоятельствах советского времени, сразу ассоциирует время повествования с 60-ми – 70-ми годами:

(60) – Тогда родители пропадать начнут, – говорит мама. Потому что я и без того на работе устаю. У меня еле-еле сил хватает телевизор смотреть. (ДФ, 20.)

Мать и отец дяди Федора живут среди социальных перемен и, поэтому они являются представителями различных «воспитательных принципов»: мать строгая, традиционная, а отец – человек новых взглядов. В этом беспорядочном семейном коллективе неясным осталось то, кто руководит семьей и кто воспитывает.

Во втором произведении события, явно, происходят уже не в 70-х годах, а, скорее, в 90-х годах XX века. Сейчас наступило новое время в Простоквашино и это видно даже в описании природы:

(61) На Простоквашино надвигалась осень. Не очень быстро, а так – миллиметр за миллиметром. Каждый день становилось холоднее на четверть градуса. Днём ещё было лето, солнце всё заливало золотом. Но зато ночью никаких сомнений не оставалось, что вот-вот зима на природу обрушится. Ночью даже снег выпадал. (ДТ, 5.)

Осень, похоже, представляет то, что теперь в Простоквашино наступают изменения. Поскольку зима часто ассоциируется с суровыми условиями, нам даже кажется, что похолодание погоды предвещает приход сурового времени. Между прочим, смешно, как подробно Успенский изображает в примере выше изменения в погоде.

Далее, в первоначальных иллюстрациях стоят телевизоры в углах, видны телефоны. При сравнении с первой книгой, во втором произведении значительно больше технических аппаратов. Также на крышах домов торчат антенны. Но нет нового без старого: у дяди Федора все еще есть печка и в печке подогревается еда. На стенах висят часы с маятником. Автор, однако, не оставляет неясным то, что происшествя датируются 90-ыми годами. В ходе повествования несколько раз отмечается имя Б.Н. Ельцина, первого президента Российской Федерации:

(62) – Знаете, какая новость! Нашу тётю Тамару в городскую Думу выдвинули. – Кто выдвинул? – спрашивает папа. – Не знаю, – отвечает Печкин. – Может, народ, а может, президент Ельцин. Только её фотография во всё лицо у нас на двери висит. Еле-еле двери хватило. (ДТ, 58.)

И далее:

(63) «Постановление Президента России. В связи с тем, что в деревне Простоквашино построено две гостиницы, аэродром, три военных санатория и проведена автотрасса российского значения, переименовать деревню Простоквашино в город Простоквашинск. Мэром города назначить Ломовую-Бамбино Тамару Семёновну. Президент Ельцин Б.Н.». (Там же, 95.)

Кроме того, что в примере (63) отмечается президент Ельцин и, следовательно, дается намек на время действий, мы считаем, здесь речь идет и о политике урбанизации. Мы кратко рассказывали выше о централизации сельских хозяйств, то есть политике «неперспективных» деревень. На основе того, что мы знаем, мы предполагаем, что в первой книге Простоквашино относилось к этим «неперспективным» деревням. А во второй книге, похоже, совсем наоборот: в деревне Простоквашино построили гостиницы, аэродром и тд., которые являются признаками города. К тому же, переименовали Простоквашино в Простоквашинск, а значит, суффикс –ск обычно указывает на статус города (Цеханович 30.7.2010). Превращение Простоквашино в город Простоквашинска приводит к тому, что дядя Федор, Матроскин и Шарик чувствуют себя пленниками города, в котором нет свободы. Таким образом мы вернемся к одной из главных тем произведений.

Как мы отметили в теоретической части нашей дипломной работы, в СССР и России многое произошло между опубликованиями книг «Дядя Фёдор» и «Тётя дяди Фёдора». В последней повести-сказке имеется, например, намек на оттепель:

(64) [--] Иванов-оглы Печкину случай из военной жизни рассказывал: – Вот помню такой случай был. Пришёл приказ к нам в часть: «Всем военнослужащим на зимнюю форму одежды перейти». Мы с товарищем полковником всем военным и выдали зимнюю форму: валенки, ушанки, шинели тёплые, всякие там бушлаты-ватники. [--] А тут оттепель, да такая, что просто жара – пять градусов тепла. [--] И что делать? – Валенки отобрать, – сказал решительный Печкин. – Шлёпанцы выдать. Пусть шлёпают. (ДТ, 34.)

Может быть, что событие, рассказанное Ивановым-оглы, просто случайно. Но мы, все-таки, думаем, что оттепель здесь означает не только погоду, а именно политическую оттепель. Мы имеем в виду то, что валенки в примере сопоставляются со свободой слова. Когда мы рассматривали персонаж Печкина, мы сделали замечание о том, что он, в сущности, только свидетельствует об объекте социалистических действий «промывки мозгов». На основе примера выше, мы далеко не ошибемся, если скажем, что Печкин тоже хочет продвигаться вперед, к свободному слову.

Интересно, что в книге «Тётя дяди Фёдора» рассматривается и тема охраны природы. В конце книги в Простоквашино приехали охотники, чтобы поймать кабана и лося из леса. Дядя Федор, Шарик и Матроскин устроят совещание, потому что они не признают такую охоту:

(65) – Хоть наш кабан и противный, – говорит Шарик, – а мне всё равно не хочется, чтобы его стреляли. – А я, – говорит Матроскин, не хочу, чтобы и лося подбили. (Там же, 80.)

Друзья принимают меры, чтобы кабана и лося не стреляли. Шарик, к примеру, бежит кабана предупреждать. В конце концов, охотники бросают охоту и устроят пирушку:

(66) – Что-то мне не очень хочется охотиться, – говорит старший охотник. – Да и нам что-то не очень, – говорят другие. – Главное: мы погуляли, воздухом подышали, пейзажи хорошие увидели. В общем, наприродились по самые уши. Пошли на почту чай пить. [--] Потом они танцы устроили и народные песни пели до утра. Шарик в таких охотников просто влюбился. Он дяде Фёдору сказал: – Такая охота мне очень нравится. А вот ружья всякие, и флажки, и капканы я бы запретил. (Там же, 90.)

Хотя оказывается бесспорным, что время во второй книге изменилось, нам представляется противоречивым неожиданное замечание о пионерах:

(67) – Ушли, – сказал Никитич. – Ушли наши лоси. Видно, пионеры их испугали. – Какие пионеры? – спрашивают охотники. – Те, которые по местам боевой славы ходят. Помните: мы видели следы детские. (Там же, 88.)

Поскольку нам известно, организация пионеров существовал в СССР. Мы, однако, нашли множество современных пионерских движений в Интернете. Таким образом, видно, что и в теперешней России существуют пионеры. Что касается повести-сказки «Тётя дяди Фёдора», то нам кажется, что намек на пионеров – только реликт прошлого. В какой-то степени это говорит о том, что охотники живут в прошедшем времени социализма, точно так же как тетя Тамара. В связи с этим, нас удивляет, что хотя время изменилось, герои не постарели, по крайней мере не настолько, насколько читатель вообразил бы это. Мы думаем, что внутри сюжетной линии прошло около одного года после первого произведения. Изменения видны, в основном, во временах года: в повести-сказке «Дядя Фёдор» описываются осень и зима, и в «Тёте дяди Фёдора» – те же самые времена года. Кроме того, теперь дяде Федору пора учиться в школе:

(68) – Я в селе Троицком большой дом пустой нашёл. В нём два года уже никто не живёт. Я со стариками поговорил, они разрешают его занимать. Дом большущий, но мы его освоим. У нас уже опыт есть. *Там и школа есть. Все мы учиться начнём.* [курсив Х.Р.] (Там же, 91.)

Дядя Федор с Матроскиным и Шариком переезжает без взрослых. Президент Ельцин назначает на должность мэра тетю Тамару. Родители Федора, в свою очередь, возвращаются в город. С точки зрения вопроса о власти в книге «Тётя дяди Фёдора», дядя Федор, в конце концов, сам имеет право на самоопределение. Но, что важнее, он не думает об этом. Он мальчик независимый, прагматичный, неэгоистичный, справедливый.

4 ВЫВОДЫ

Мы поставили себе цель выяснить, какие изменения возникли в социалистическом обществе 60-х и 70-х годов XX века и, как эти изменения влияли на семейную культуру и, вследствие этого, на поведение взрослых и детей. Мы также хотели сравнивать ситуацию времен оттепели и гласности с постсоветской ситуацией. Особенно нас интересовал вопрос о власти и семейных ролях. При помощи анализа повестей-сказок Успенского «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» мы рассмотрели, как эти изменения отражались в детской литературе, особенно в названных произведениях Успенского.

Нам удалось выяснить, что для первых десятилетий Советского Союза был характерен строгий контроль, распространявшийся на все области жизни человека тоталитарного общества. Контроль, который отражала и литература, имел целенаправленный характер: с помощью социалистического реализма, основного официального творческого метода литературы, искусства и критики, и постулатов идейности, классовости и партийности деятельность народа была направлена на движение к цели светлого будущего, к коммунизму. Искусство должно было воспитывать, формировать и учить людей, иными словами, воспитывать нового человека. Кроме того, радостные переживания и воспоминания о коллективном труде имели целью нормализовать поведение граждан. В конечном счете, социалистическое воспитание стремилось к единообразию людей и, далее к бесклассовости.

После строгой сталинской эпохи, начиная с 1953-го года, наступило время оттепели, которое характеризовалось относительным проявлением свободы слова. Условия урбанизации, более гектический образ жизни и, одновременно, прежние нормы тоталитарного общества не могли не повлиять на жизнь отдельных людей. И, действительно, да в семейном коллективе возникли изменения. Теперь в семье, обычно, был только один ребенок и, к тому же, родители много работали. Вследствие этого, дети часто чувствовали себя одинокими и неправильно понятыми. Можно сказать, что семейный коллектив пришел в беспорядок: из-за резких изменений, повлиявших на все сферы жизни, родители теперь уже не умели быть традиционными авторитетами для детей, они были, можно сказать, беспомощны. Одинокество детей приводило к тому, что дети нередко являлись крайне самостоятельными, умели заботиться о себе.

Изменения такого рода отражались и в литературе для детей. Теперь, в отличие от литературы, которая стремилась к бесконфликтности, концепция об идеальном ребенке изменилась с помощью теории дегероизации. В этом отношении, в центре внимания становилась личность, литературный герой. В то же время, и писатель становился личностью, обладающей своими ценностями и картиной мира. В книгах, предназначенных для детей, были изображены родители, которые всегда спешат и у которых времени не хватало для детей. Детская литература показывала последствия того, что родители не спешили к детям: в произведениях появились так называемые дети-беглецы, которые являлись неправильно понятыми среди своих близких. Эти дети-беглецы бунтовали как против родителей, так и против общества.

В повести-сказке «Дядя Фёдор, пёс и кот» главный герой дядя Федор является, как раз таким одиноким и неправильно понятым мальчиком. Воспитательные взгляды его родителей отличаются друг от друга: мать Федора всегда думает о пользе, и она более традиционна в отношении воспитания. По мнению матери, ребенок должен все время заниматься чем-то полезным, чтобы в его голову не пришли «лишние мысли». Отец Федора, наоборот, идеалист, который считает, что ребенку нужен друг. В то же время, Федор, похоже, не думает о своем одиночестве, ничего не требует от родителей. Среди этих беспорядочных семейных обстоятельств, независимый от взрослых Федор уезжает из города в деревню Простоквашино, чтобы жить с друзьями. Это не просто ответ на его одиночество, а только

справедливый, неэгоистичный поступок. А в деревне Федор свободен от строгих законов нормального поведения, существующих в городе. На свободе дядя Федор не бездельничает, а, наоборот, трудится прилежно. Он знает, что за свободой следует ответственность, которую ему надо нести за себя и за друзей. В конце концов Федор, однако, возвращается с родителями в город.

Во втором произведении, в повести-сказке «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино», в деревне наступило новое время, а значит время капитализма. Новый потенциальный взрослый авторитет, тетя Федора, старается всесторонне воспитывать мальчика, Матроскина и Шарика и, к тому же, перевоспитывать родителей Федора. Во второй книге значительно яснее отражаются общественные обстоятельства, события «внешнего мира». Основной конфликт второй книги возникает между капиталистами и социалистами, среди которых дядя Федор единственный прагматист, не думающий о политике. Если проблема первой повести-сказки была в непонимании между разными поколениями, и общество тем временем было, в большей части, игнорировано, то вторая книга насыщена политикой, ссылками на всем известных героев и другие тексты, говорящие о ценностях автора и персонажей произведения. Что касается темы власти, то дядя Федор обладает властью над собой. В то же время, он не думает о своем праве на самоопределение. Таким образом, тема власти, как нам кажется, все-таки не главная в повестях-сказках Успенского, а главными темами являются дружба и общинность, а главными движущими силами – индивидуальная независимость человека и справедливость.

Автор повестей-сказок «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино» Эдуард Успенский как бы нарушил ведущие принципы литературы своего времени: в первой книге он показал, что в коллективном обществе существует неправильно понятые дети. В то же время Успенский показал, что дети могут быть самостоятельными личностями, психологически более сложными, чем принято думать. Вместе с такими «бунтующими» литературными героями, как Пеппи Длинный Чулок, дядя Федор был одним из выражений нового идеала ребенка. Нарушая принципы метода социалистического реализма, Успенский все же следовал ведущим нормам литературы того времени. Он показал действительность социалистического общества, в которой может существовать дети-бунтовщики. Эта

действительность, однако, не соответствовала ведущим идеям социализма. Во второй книге Успенский принял решение более открыто рассказывать об общественных явлениях, касающихся противопоставления идей социализма и капитализма. Нельзя, однако, забывать, что книги о дяде Федоре содержат в себе много развлекательного, и, вдобавок, юмора, над которым смеются как дети, так и взрослые.

5 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

5.1 Источники

- ДФ = Э. Успенский. *Дядя Фёдор, пёс и кот*. Москва: Теремок. 2000
- ДТ = Э. Успенский. *Тётя дяди Фёдора или побег из Простоквашино*. Москва: Книги Искателя. 2002.
- Uspenski. Uspenski E. *Fedja-setä, kissa ja koira*. Helsinki: Otava. 2006. Kuudestoista painos.
- Uspenski. Uspenski E. *Fedja-setä ja täti Tamara*. Helsinki: Otava. 2001. Toinen painos.

5.2 Исследовательская литература

- Акимова, Акимов 1989. Акимова А., Акимов В. *Семидесятые, восьмидесятые...Проблемы и искания современной детской прозы. Очерки, размышления, заметки*. Москва: Детская литература.
- Арзамасцева, Николаева 2002. Арзамасцева И.Н. , Николаева С.А. *Детская литература*. 2-е издание. Москва: Академия.
- Балина 2000. Балина М. Идейность – классовость – партийность. *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 362-376.
- Барабан 2008. Барабан Е. Фигвам утилитариста. *Веселые человечки: Культурные герои советского детства*. Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. Москва: Новое литературное обозрение.
- Бройде 2010. Бройде В. Новая детская книга: перспективы и тенденции. *Книжное обозрение*, 19/2010. Москва: ЗАО Издательский Дом «Книжное обозрение», 20.
- БРЭС 2003 = *Большой российский энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Валькова 2002. Валькова В.Г. Эдуард Николаевич Успенский. К 65-летию писателя. *Начальная школа 12*. Москва: ООО Издательство «Начальная школа и образование».
- Волга 20.8.2010 = *Советский лимузин: машина Волга*. Взято 20.8.2010 по www-адресу: <http://www.viberaem-auto.ru/3/14.php>.
- Гинзбург 1979. Гинзбург Л. *О литературном герое*. Москва: Советский писатель.
- Гюнтер 2000а. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона. *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 281-288.
- Гюнтер 2000б. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры. *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 743-784.
- Добренко 2000а. Добренко Е. Функции и категории соцреалистической критики. *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 390-433.

- Добренко 2000б. Добренко Е. Соцреализм и мир детства. *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 31-40.
- Душечкина 2001. Душечкина Е. «Если хочешь быть здоров»: Идея здоровья в советской детской песне. *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6/2001. Warszawa: SOW, 400-412.
- Душечкина 2007. Душечкина Е. Образ дружбы в пионерских песнях. *Texts and Communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice*, 4/2007. Edited by N. Baschmakoff, P. Fryer and M. Ristolainen. Aleksanteri Papers, 83-92.
- Есин 2000. Есин А.Б. Время и пространство. *Введение в литературоведение: литературное произведение: основные понятия и термины*. Под ред. Л.В. Чернеца. Москва: Высшая школа, 47-62.
- Зубарев 9.2.2010. Зубарев А. *Официальный вебсайт Эдуарда Николаевича Успенского*. Взято 9.2.2010 по www-адресу: <http://uspens.info/>.
- Иванов 1.8.2010. Иванов Д. *Гибель Чапаева. Версии*. Взято 1.8.2010 по www-адресу: <http://www.chapaev.ru/47/Gibel-СНараева--Versii-/>.
- Карпунина 17.3.2010. Карпунина И. Последствия ликвидации «неперспективных» деревень в западной Сибири (1960-1980-е гг.). *Актуальные вопросы истории Сибири*. Взято 17.3.2010 по www-адресу: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/11.html>.
- Кларк 2000а. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье». *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 785-796.
- Кларк 2000б. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона. *Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 569-584.
- Конституция РФ 21.9.2010 = Конституция Российской Федерации. *Основы конституционного строя. Статьи 1 и 2*. Взято 21.9.2010 по www-адресу: <http://www.unipat.pu.ru/Laws/constitution.html>.
- Конституция СССР 21.9.2010 = Конституция Союза Советских Социалистических Республик. *Основные права и обязанности граждан. Статья 130*. Взято 21.9.2010 по www-адресу: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#10>.
- Корябина, Безугленко 2002. Корябина М., Безугленко И. Эдуард Успенский: «Своим детям читал книги всех хороших писателей». *Дошкольное Воспитание*, 6/2002. Москва: Издательский дом «Воспитание дошкольника», 20-22.
- КПС 1989 = *Краткий политический словарь*. Сост. и общ. ред. Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. Москва: Политиздат.
- Круглякова, Лурье 2003. Круглякова Т, Лурье М. Что перепутал художник? *Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства*. Сост. Е. Кулешов, И. Антипова. Москва: ОГИ, 169-180.
- Крупская 1988 = Надежда Константиновна Крупская. *Биография*. Авторский коллектив: Г.Д. Обичкин и др. Москва: Политиздат.
- Лебина 1999. Лебина Н. *Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы*. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», Издательско-торговый дом «Летний Сад».
- Левченкова 2008. Левченкова О.С. Проблемы взаимоотношений взрослых и детей в русской подростковой литературе 1980-2000-х годов. *Детская литература и воспитание*. Отв. ред. Горшкова С.Е. Тверь: Тверской государственный университет, 23-29.

- ЛЭТП 2001 = *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак».
- Макаренко 1983. Макаренко А.С. *Книга для родителей*. Москва: Педагогика.
- Мичурин 1.8.2010 = *Затеево*. Развлекательно-познавательный Интернет-журнал для школьников. Взято 1.8.2010 по www-адресу: <http://zateevo.ru/?section=page&action=edit&alias=Michurin>.
- ОЛ 2000 = *Основы литературоведения*. Под ред. В.П. Мещерякова. Москва: Московский лицей.
- О районе 22.2.2010 = *Официальный сайт Администрации Можайского муниципального района*. Взято 22.2.2010 по www-адресу: <http://www.admmozhaysk.ru/index.php?area=1&p=static&page=about>.
- Промышленность 30.7.2010 = *Официальный сайт Администрации Клинского муниципального района Московской области*. Взято 30.7.2010 по www-адресу: <http://www.klincity.ru/index.php?type=special&area=1&p=articles&id=151>.
- РДП 1997 = *Русские детские писатели XX века. Биобиблиографический словарь*. Москва: Издательство «Флинта». Издательство «Наука».
- Ронен 2000. Ронен О. *Детская литература и социалистический реализм. Соцреалистический канон*. Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 969-979.
- РПОЛ 1955 = *Русские писатели о литературном труде*. Сборник в четырех томах. Том 2. Под общей редакцией Б. Мейлаха. Ленинград: Советский писатель.
- Россия 2002 = *Россия: Полный энциклопедический иллюстрированный справочник*. Автор-составитель П.Г. Дейниченко. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- СДЛ 1978 = *Советская детская литература*. Под ред. В.Д. Разовой. Москва: «Просвещение».
- Символ эпохи 20.8.2010 = *ГАЗ-24. Символ эпохи*. Взято 20.8.2010 по www-адресу: <http://realcar.clan.su/publ/7-1-0-12>.
- Скуридина 1998. Скуридина И. Ю. Коваль. «Я всегда выпадал из общей струи». Экспромт, подготовленный жизнью. *Вопросы литературы*. Ноябрь-декабрь. Москва. 227-272.
- Сметанина 2002. Сметанина С.И. *Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века*. Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В.А.
- Тамарченко 2000. Тамарченко Н. Повествование. *Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины*. Под ред. Л.В.Чернеца. Москва: Высшая школа, 279-295.
- Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004. Тамарченко Н., Тюпа В., Бройтман С. *Теория литературы в двух томах*. Под ред. Н. Тамарченко. Том 1. Москва: «Академия».
- Тамаченко 7.7.2010. Тамаченко Н.Д. *Теоретическая поэтика: понятия и определения*. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Tamar/18.php.
- Туризм 22.2.2010 = *Официальный сайт Администрации Можайского муниципального района*. Взято 22.2.2010 по www-адресу: <http://www.admmozhaysk.ru/index.php?area=1&p=static&page=turist>.
- Уйманов 28.9.2010. Уйманов Аркадий. *Фильм Трактористы, взгляд через 70 лет*. Взято 28.9.2010 по по www-адресу: <http://www.proza.ru/2008/02/16/533>.
- Успенский 1978. Успенский Эдуард. *Переменка, переменка, переменка, переменка. Пионер*, 6/1978. Москва: Издательство «Правда», 81.

- Цеханович 30.7.2010. Цеханович М.А. Суффикс -ск- в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных. Взято 30.7.2010 по www-адресу: <http://rgo.msk.ru/commissions/toponymy/stc42/05.html>.
- Шмид 7.7.2010. Шмид В. *Нарратология*. Взято 7.7.2010 по www-адресу: http://yanko.lib.ru/books/lit/shmid=narratology=a.htm#_Toc69112228.
- Этикет 1999 = *Этикет: умение жить и вести себя дома, в семье и в обществе*. Сост. Николаева и Петров. Москва: Цитадель
- Antikainen 1986. Antikainen Ari. *Johdatus kasvatussociologiaan*. Juva: WSOY.
- Balina 2008a. Балина М. *Crafting the Self. Russian Children`s Literature and Culture*. Edited by M. Balina, L. Rudova. New York: Routledge, 91-111.
- Balina 2008b. Балина М. *Creativity Through Restraint. Russian Children`s Literature and Culture*. Edited by M. Balina, L. Rudova. New York: Routledge, 3-17.
- EB 1.8.2010 = *Encyclopædia Britannica. The Online Encyclopedia*. Взято 1.8.2010 по www-адресу: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/447349/Ivan-Petrovich-Pavlov>.
- Goldman 1993. Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hellman 1991. Hellman B. *Barn- och ungdomsboken i Sovjetryssland: från oktoberrevolutionen 1917 till perestrojkan 1986*. Stockholm: Rabén & Sjögren.
- Hellman 1997. Hellman B. *Ulkomaisia lasten- ja nuortenkirjailijoita*. Toim. N. Bengtsson, T. Marttinen. Helsinki: BTJ Kirjastopalvelu Oy.
- Hosiaisuus 2003. Hosiaisuus Y. *Kirjallisuuden sanakirja*. Juva: WS Bookwell Oy.
- IARC 30.7.2010 = *International Agency for Research on Cancer - Summaries & Evaluations*. Взято 30.7.2010 по www-адресу: <http://www.inchem.org/documents/iarc/suppl7/mnng.html>.
- Koroljov, Gmurman 1981. Koroljov F.F., Gmurman V.J. *Pedagogiikan perusteet*. Tampere: Koy Sanan Tie.
- Koskela, Rojola 1997. Koskela L., Rojola L. *Lukijan ABC-kirja. Johdatus kirjallisuuden nykyteorioihin ja kirjallisuudentutkimuksen suuntauksiin*. Rauma: Kirjapaino Oy West Point.
- Makarenko 1951. Makarenko A.S. *Kasvatusopilliset katsomukseni*. Lahti: Lahden työväen kirjapaino oy.
- Mäkelä 2008. Mäkelä H. *Eetu. Matkoja Eduard Uspenskin maailmaan*. Porvoo: Tammi.
- Niemi 1991. Niemi J. *Kirjallisuus instituutiona: johdatus sosiologiseen kirjallisuudentutkimukseen*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Niemi 2000. Niemi J. *Kirjallinen elämä : kirjallisuuden yhteiskuntasuhteiden kartoitusta*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Pearson 1990. Pearson L. *Children of Glasnost. Growing up Soviet*. Canada: Lester & Orpen Dennys.
- Prokhorov 2008. Prokhorov A. *Arresting Development. Russian Children`s Literature and Culture*. Edited by M. Balina, L. Rudova. New York: Routledge, 129-152.
- Propp 1979. Propp V. *Morphology of the Folktale*. Transl. Laurence Scott. Austin: University of Texas Press.
- Riordan 1987. Riordan J. *The Role of Youth Organisations in Communist Upbringing in the Soviet School. The Making of the Soviet citizen: character formation and civic training in Soviet education*. Edited. by George Avis. London : Croom Helm, 136-160.
- Riukulehto, Halmesvirta, Pöntinen 2001. Riukulehto S., Halmesvirta A., Pöntinen K. *Politiikkaa lastenkirjoissa*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

FEDJA-SETÄ JA LAPSEN ROOLI TOIMIJANA YHTEISKUNNALLISESSA KONTEKSTISSA

(E. Uspenskin kertomuksissa ”Fedja-setä, kissa ja koira” ja ”Fedja-setä ja täti Tamara”)

Heli Johanna Raami
Pro gradu-tutkielma
Itä-Suomen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Maaliskuu, 2011

SISÄLTÖ

1 JOHDANTO.....	1
2 EDUARD USPENSKI JA YHTEISKUNNALLINEN KONTEKSTI.....	2
3 FEDJA-SETÄ JA LAPSEN ROOLI TOIMIJANA	3
4 LOPPUPÄÄTELMÄT.....	4
5 LÄHTEET.....	6

1 JOHDANTO

Tässä pro gradu – tutkielmassa tarkastellaan lapsen roolia toimijana toisaalta 1960- ja 1970-lukujen sosialistisessa yhteiskunnassa, toisaalta neuvostoajan jälkeisessä yhteiskunnassa 1990-luvulla. Tarkoituksena on kuvata, miten Eduard Uspenskin kertomuksissa ”Fedja-setä, kissa ja koira” ja ”Fedja-setä ja täti Tamara” näkyy se muutos, jossa lapsi on toimija, eikä vain yhteiskunnallisen kasvatuksen objekti. Toimija määritellään tutkimuksessa yksilöksi, joka päättää itse omasta elämästään ja kohtalostaan. Yhteiskunnallisen kasvatuksen objekti taas on riippuvainen toisten ihmisten, kulttuurin ja yhteiskunnan odotuksista. Hyvä esimerkki yhteiskunnallisen kasvatuksen objektista on Uspenskin kertomuksissa posteljooni Pečkin, jolla on näissä kertomuksissa tarkkailijan rooli. Tutkimuksessa käytetään kuvailevaa lähestymistapaa, jonka avulla annetaan kuvaus neuvostoperheestä ja perherooleista. Koska kirjallisuus heijastaa myös yhteiskunnallisia muutoksia, on tutkimuksessa otettu huomioon yhteiskunnallinen konteksti. Tutkimusta lähestytään määrittelemällä narratologiset peruskäsitteet, joihin lukeutuvat muiden muassa tarinan sankari ja muut henkilöt, kertoja, juoni ja teema. Itse analyysissa on käytetty kuvailevan lähestymistavan ja narratologisen metodin lisäksi lähilukua (close-reading). Koska kirjailijan elämäkokemukset voivat heijastua myös hänen tuotantoonsa, on biografisella metodillakin roolinsa tässä tutkimuksessa.

Tutkimuksen teoriaosassa tarkastellaan aluksi Eduard Uspenskin elämänvaiheita ja tuotantoa. Tässä lähteenä on Hannu Mäkelän elämäkertateos Uspenskista, ”Eetu” (2008). Tämän jälkeen työssä käsitellään 1980-luvun perestroikan mukanaan tuomia muutoksia ja niiden vaikutusta lastenkirjallisuuteen. Työ etenee neuvostoperheen ja perheroolien tarkastelun kautta 1960- ja 1970-lukujen lastenkirjallisuuden ja sen yhteiskunnallisen kontekstin tarkempaan tarkasteluun. Lisäksi työssä käsitellään sosialistista realismia, joka vakiintui sosialististen maiden tärkeimmäksi taidesuuntaukseksi ja -menetelmäksi 1930-luvulta lähtien. Tässä pääasialliset lähteet koostuvat artikkeleista, jotka ovat ilmestyneet teoksessa ”Socrealističeskij kanon” (2000). Teoreettisen taustan avulla selvitetään, ensinnäkin, minkälaisia muutoksia ilmaantui Stalinin jälkeisessä sosialistisessa yhteiskunnassa perheroolien ja kasvatuksen näkökulmasta. Toiseksi selvitetään, miten nämä muutokset heijastuivat lastenkirjallisuudessa, erityisesti kertomuksissa ”Fedja-setä, kissa ja koira” ja ”Fedja-setä ja täti Tamara”. Analyysissa on

käytetty vuosien 2000 ja 2002 painoksia. Kuva-analyysin lähteinä on käytetty suomennettujen teosten kuvia, jotka ovat alkuperäisiä.

2 EDUARD USPENSKI JA YHTEISKUNNALLINEN KONTEKSTI

Eduard Uspenski syntyi 22. joulukuuta 1930 Egor´evskissa (Zubarev 9.2.2010). Perhe, johon kuului tulevan kirjailijan ja tämän vanhempien lisäksi kaksi muuta veljeä, muutti kuitenkin pian Moskovaan. Vanhemmat työskentelivät hyvin paljon, ja Eduardin suhde heihin jäi kaukaiseksi. Omien sanojensa mukaan Eduard ryhtyi myöhemmin lastenkirjailijaksi, koska toimi murrosikäisenä itseään nuorempien pioneerien ohjaajana. (Mäkelä 2008, 108, 135.)

Eduard Uspenski opiskeli ensin lentokoneinsinööriksi, mutta kirjoitteli jo opiskeluaikoina humoristisia kertomuksia sekä lapsille että aikuisille. Valmistuttuaan Uspenski ei työskennellyt päivääkään omalla alallaan, vaan ryhtyi kirjailijaksi. Uspenskin kirjoitustyyli on ominaista lähes absurdi huumori, konventioiden rikkominen sekä parodiointi. Eduard Uspenskin tunnetuimmat teokset lienevät ”Krokotiili Gena ja hänen ystävänsä” (1966) sekä ”Fedja-setä, kissa ja koira” (1974). (Hellman 1997, 155, 15; Arzamasceva, Nikolaeva 2002, 397.) Vaikka Uspenskista ei löydy juurikaan biobibliografista tietoa, hänen merkityksensä lastenkirjailijana on huomattava: Uspenskin teoksia on käännetty yli 25 kielelle. Lisäksi hänen kirjojensa pohjalta tehtyjä piirrosanimaatioita rakastavat yhä tänäkin päivänä niin lapset kuin aikuiset. (Korjabina, Bezuglenko 2002, 20.)

Neuvostoyhteiskunnassa yksi tärkeimmistä arvoista oli yhteisöllisyys. Tämän takia lapsen kasvatuksesta eivät olleet vastuussa pelkästään vanhemmat, vaan kasvatukseen osallistui koko kollektiivi. Vanhemmilla oli suhteessa lapsiin valtaa, joka kuitenkin heijasti neuvostoyhteiskunnan intressejä (Makarenko 1983, 7, 13). Perheessä oli lapsia tavallisesti kolmesta neljään, ja tämä tarkoitti sitä, että myös perhe oli tärkeä pienoiskollektiivi. Neuvostoliiton johtava kasvatuspedagogi Anton Makarenko olikin sitä mieltä, että perhe menettää yhteisöllisyytensä sillä, että perheessä on ainoastaan yksi lapsi. (Pearson 1990, 75; Makarenko 1983, 45.) Yksi kollektiivisen kasvatuksen osa-alueista oli lastenkirjallisuus. Koko neuvostokirjallisuus perustui sosialistisen realismin

taidesuuntaukseen, jonka avulla pyrittiin kasvattamaan, muokkaamaan ja opettamaan kansaa kommunististen ajatusten mukaisesti (Dobrenko 2000a, 418). Neuvostoromaanit olivat kertomuksia sankareiden urotöistä (Gjunter 2000b, 756). Sankarien hahmot toistuivat samanlaisina kaikissa teoksissa, ja ne luotiinkin aina lukijoiden jäljiteltäviksi (Klark 2000b, 579; Klark 2000a, 788). Lastenkirjatkin antoivat valmiin vastauksen siihen, mikä on hyvää ja mikä huonoa, toisin sanoen minkälainen käytös oli sallittua (Dobrenko 2000b, 32).

Josif Stalinin kuoltua 1953 alkoi Neuvostoliitossa suojasääksi kutsuttu aikakausi. Tätä aikaa luonnehti suhteellinen sananvapaus. (Balina 2008a, 97.) Täten voi todeta, että neuvostovallan mahti heikkeni. Muutos näkyi kaikilla elämän alueilla, myös perhe-elämässä: kun ennen perhe oli keskikokoinen, nyt perheessä tavallisesti oli vain yksi lapsi. Usein molemmat vanhemmat työskentelivät niin, ettei heillä ollut aikaa lapsille. Yhteiskunnalliset muutokset asettivat myös lastenkirjallisuudelle uusia ongelmia, joihin tuli vastata: ”Kuka ohjaa ihmiselämää? Ihminen itse!” (Mäkelä 2008, 184; Akimova, Akimov 1989, 47, 50.) Kirjallinen sankari alettiin nähdä yksilönä. Kun ennen kirjailijat pyrkivät silottamaan ristiriitaisuudet ja antamaan tietyn ihanteen lapsesta sekä tätä kautta todellisuudesta, nyt koko maailmankuva piti uudistaa. Tämä tarkoitti käytännössä sitä, että kirjailijat asettivat kyseenalaiseksi onnellisen perheen, jossa vanhemmat olivat auktoriteetteja. Lapsisankarit, jotka usein pakenivat kotoa, kapinoivat vanhempia ja yhteiskuntaa vastaan. (Akimova, Akimov 1989, 62; SDL 1978, 385; Balina 2008b, 15.) Metaforisesti voisi sanoa, että lastenkirjallisuus jätti taakseen entiset totuudet ja oppilauseet ja suunnisti myrskyävälle merelle (Akimova, Akimov 1989, 57).

3 FEDJA-SETÄ JA LAPSEN ROOLI TOIMIJANA

Ensimmäisessä Fedja-kirjassa ”Fedja-setä, kissa ja koira” ilmenevät kirjasarjan alkuasetelmat: Fedja-setä on nimensä mukaisesti pikkuvanha kuusivuotias poika, jonka äiti ei anna Fedjan pitää puhuvaa kissa Matroskinia. Siksi Fedja-setä muuttaa Matroskinin kanssa maalle, Prostokvašinon kylään. Kaksikko tapaa vielä Musti-koiran, ja yhdessä he muun muassa löytävät aarteen, ostavat keitolla ja perunoilla käyvän traktorin sekä tekoaurion. Kolmikon rauhaa rikkoo ainoastaan posteljooni Pečkin, joka tarkkailee ystäväysten toimia kuin miliisi. Sarjan toisessa kirjassa ”Fedja-setä ja tati Tamara”

Prostokvašinoon saapuu Fedjan täti, eläkkeelle jäänyt eversti, joka päättää omistaa loppuelämänsä Fedja-sedän kasvattamiselle.

Fedja-setä on ikäisekseen hyvin kypsä. Fedja on joutunut itsenäistymään hyvin varhain luultavasti sen vuoksi, että hänen vanhemmillaan ei ole ollut riittävästi aikaa hänelle. Tämä taas johtune 1960–1970-lukujen yhteiskunnassa tapahtuneista poliittisista muutoksista, jotka heijastuivat myös perhe-elämään. On selvää, että Fedja on yksinäinen, mutta hän ei kuitenkaan muuta kotoa pois sen takia, että kärsisi yksinäisyydestä. Fedja haluaa yksinkertaisesti olla oikeudenmukainen – eihän hän voi jättää Matroskinia heitteille, eikä myöhemmin myöskään Mustia. Lisäksi maaseudulla Fedja-setä voi olla vapaa kaupungin tiukoista käyttäytymissäännöistä sekä negatiivisesta kollektiivisuudesta. Prostokvašinossa hän asuu yhteisössä, mutta tämä yhteisö perustuu ystävyteen. Ystävyys onkin Uspenskin molempien teoksien pääteema, vaikka kirjassa ”Fedja-setä ja täti Tamara” Fedjan, Matroskinin ja Mustin ystävyys on koetuksella. Nyt tuulevat Prostokvašinon kylässäkin uudet tuulet ja koko kylä, mukaan lukien päähenkilöt, jakautuvat kahteen eri leiriin: kapitalisteihin ja sosialisteihin. Kaiken tämän keskellä Fedja-setä ainoana pysyy politiikan ulkopuolella ja saa lopulta ystävysten välillä aikaan kompromissin. Voihan sitä ystäviä olla, vaikka olisi eri mieltä asioista!

Uspenskin kirjoitustyyliille ominaiset ironian ja parodian lajit tulevat Fedja-kirjoissa varsin hyvin esille intertekstuaalisten viittausten kautta. Uspenski viittaa teoksissaan Stalinin neuvostoajan sankareihin, runoihin ja lauluihin, jotka kertovat sosialistisesta maailmankuvasta sekä totalitaristisen yhteiskunnan elämänarvoista. Teoksessa ”Fedja-setä ja täti Tamara” on huomattavasti enemmän lapsille epäselviä viittauksia sekä vitsejä yhteiskunnallisista ilmiöistä ja muutoksista verrattuna kirjaan ”Fedja-setä, kissa ja koira”.

4 LOPPUPÄÄTELMÄT

Tässä pro gradu – tutkielmassa oli tavoitteena tarkastella, millaisia muutoksia ilmaantui 1960- ja 1970-lukujen sosialistisessa yhteiskunnassa, ja miten nämä muutokset näkyivät perhekulttuurissa. Erityisesti tutkimuksen kohteena oli lapsen rooli aktiivisena toimijana eli se, missä määrin lapsi päättää omasta elämästään ja kohtalostaan. Tutkimuksessa verrattiin suojasään ja avoimuuden politiikan aikakautta jälkineuvostoliittolaiseen aikaan. Analyysin

avulla selvitettiin, miten muutokset yhteiskunnassa ja perherooleissa heijastuvat lastenkirjallisuudessa, erityisesti Eduard Uspenskin teoksissa ”Fedja-setä, kissa ja koira” ja ”Fedja-setä ja täti Tamara”.

Myös Uspenskin teoksissa Fedja-setä on yksinäinen lapsi, joka lähtee vanhempiensa luota Prostokvašinon maalaiskylään. Yllättävää on se, että Fedja ei tunnu ajattelevan yksinäisyyttään, ja näyttääkin muuttavan maaseudulle epäegoistisesta syystä.

Tutkimus osoittaa, ettei kysymys lapsen roolista toimijana ole kovinkaan merkittävä Uspenskin teoksissa. Ensimmäisen kirjan lopussa Fedja-setä lähtee takaisin kaupunkiin vanhempiensa kanssa, jolloin kysymys vallankäytöstä jää avoimeksi. Toisessa teoksessa täti Tamara valitaan kaupungiksi muutetun Prostokvašinon pormestariksi. Fedja-setä, Matroskin ja Musti päättävät muuttaa läheiseen kylään. Näin ollen Fedja-setä säilyttää itsemääräämisoikeuden, muttei oikeastaan ajattele sitä. Hänelle on vallankäyttöä tärkeämpää elää tasavertaisena ystäviensä kanssa.

Ensimmäinen kirja oli raikas tuulahdus omana aikanaan. Fedja edustaa siinä uutta lapsihahmojen ihannetta, uudenlaista positiivista sankaria. Toinen kirja keskittyy suurelta osin poliittisiin ilmiöihin, eivätkä kaikki vitsit aukea nuoremmille lukijoille. Teosten suosio kuitenkin perustunee siihen, että molemmissa kirjoissa on sekä lapsia että aikuisia naurattavia asioita. Sekä ensimmäinen että toinen Fedja-kirja kertovat Uspenskille tyypillisellä tyyllillä omasta ajastaan. Moniin nykyajan lastenkirjoihin verrattuna Uspenskin ensimmäistä Fedja-kirjaa voisi kuvailla jopa säyseäksi. Kasvatusperiaatteet kuitenkin muuttuvat sukupolvien vaihtuessa, ja meidän sukupolvenme lukee teosta jo eri tavalla kuin 1970-luvun lukijasukupolvi. Toisen Fedja-kirjan julkaisemisesta on kulunut verrattain vähän aikaa, mutta kenties muutaman vuoden kuluttua tämäkin teos on lukijoiden silmissä kesy.

5 LÄHTEET

5.1 Tutkimusaineisto

- È. Uspenski. *Djaja Fëdor, pës i kot*. M.: Teremok. 2000.
- È. Uspenski. *Tëtja djadi Fëdora ili pobeg iz Prostokvašino*. M.: Knigi Iskatelja. 2002.
- E. Uspenski. *Fedja-setä, kissa ja koira*. Helsinki: Otava. 2006. Kuudestoista painos.
- E. Uspenski. *Fedja-setä ja täti Tamara*. Helsinki: Otava. 2001. Toinen painos.

5.2 Tutkimuskirjallisuus

- Akimova, Akimov 1989. Akimova A., Akimov V. *Semidesjatye, vos'midesjatye...Problemy i iskanija sovremennoj detskoj prozy. Očerki, razmyšlenija, zametki*. M.: Detskaja literatura.
- Arzamasceva, Nikolaeva 2002. Arzamasceva I.N. Nikolaeva S.A. *Detskaja literatura*. 2-e izdanie. M.: Akademija.
- Balina 2008a. Balina M. *Crafting the Self. Russian Children`s Literature and Culture*. Edited by M. Balina, L. Rudova. New York: Routledge, 91-111.
- Balina 2008b. Balina M. *Creavity Through Restraint. Russian Children`s Literature and Culture*. Edited by M. Balina, L. Rudova. New York: Routledge, 3-7.
- Dobrenko 2000a. Dobrenko E. Funkcii i kategorii socrealističeskoj kritiki. *Socrealističeskij kanon*. Pod red. H. Gjuntera, E. Dobrenko. SPB.: Akademičeskij proekt, 390-433.
- Dobrenko 2000b. Dobrenko E. Socrealizm i mir detstva. *Socrealističeskij kanon*. Pod red. H. Gjuntera, E. Dobrenko. SPB.: Akademičeskij proekt, 31-40.
- Gjunter 20006. Gjunter H. Arhetipy sovetkoj kultury. *Socrealističeskij kanon*. Pod red. H. Gjuntera, E. Dobrenko. SPB.: Akademičeskij proekt, 743-784.
- Hellman 1997. Hellman B. *Lasten- ja nuortenkirjailijoita*. Toim. N. Bengtsson, T. Marttinen. Helsinki: BTJ Kirjastopalvelu Oy.
- Klark 2000a. Klark K. Stalinskij mif o «velikoj sem'e». *Socrealističeskij kanon*. Pod red. H. Gjuntera, E. Dobrenko. SPB.: Akademičeskij proekt, 785-796.
- Klark 2000b. Klark K. Položitel'nyj geroj kak verbal'naja ikona. *Socrealističeskij kanon*. Pod red. H. Gjuntera, E. Dobrenko. SPB.: Akademičeskij proekt, 569-584.
- Korjabina, Bezuglenko 2002. Korjabina M., Bezuglenko I. Èduard Uspenskij: "Svoim detjam čital knigi vseh horoših pisatelej". *Doškól'noe Vospitanie*, 6/2002. M.: Izdatel'skij dom «Vospitanie doškól'nika», 20-22.
- Makarenko 1983. Makarenko A.S. *Kniga dlja roditelej*. M.: Pedagogika.
- Mäkelä 2008. Mäkelä H. *Eetu. Matkoja Eduard Uspenskin maailmaan*. Porvoo: Tammi.
- Pearson 1990. Pearson L. *Children of Glasnost. Growing up Soviet*. Canada: Lester & Orpen Dennys.
- SDL 1978 = *Sovetskaja detskaja literatura*. Pod red. V.D. Razovoj. M.: «Prosveščenie».
- Zubarev 9.2.2010. Zubarev A. *Oficial'nyj vebsajt Èduarda Nikolaeviča Uspenskogo*.
Vzjato 9.2.2010 po www-adresy: <http://uspens.info/>.